

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№4(99)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам ХСІХ международной
научно-практической конференции*

№ 4 (99)
Апрель 2025 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам ХСІХ междунар. науч.-практ. конф. – № 4 (99). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 124 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2025

Оглавление

Доклады конференции на русском языке	6
---	----------

Раздел 1. История и археология	6
---------------------------------------	----------

1.1. Всеобщая история	6
------------------------------	----------

ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА СЕЛЬДЖУКАМИ	6
Мередов Палван Гурбанмырдович	
Довранова Азиза Махтумкулыевна	

1.2. Отечественная история	11
-----------------------------------	-----------

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ –ЮГРЫ	11
Рожкова Аза Мусаевна	

Раздел 2. Политология	16
------------------------------	-----------

2.1. Политические институты, процессы и технологии	16
---	-----------

ВИДЫ, МЕТОДЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ США И КАНАДЫ)	16
Рыбачук Даниил Андреевич	
СЕКТОР ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КАК ВЕКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	25
Шальнев Андрей Николаевич	

Раздел 3. Юриспруденция	32
--------------------------------	-----------

3.1. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	32
---	-----------

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРЕДИТОРОВ В СИНДИЦИРОВАННОМ КРЕДИТОВАНИИ	32
Бобылев Игорь Анатольевич	
АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО СОДЕРЖАНИЮ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ РОДИТЕЛЯМИ СВОИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ	37
Забоева Виктория Евгеньевна	

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В АСЕАН И ЕАЭС: НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЛАОСА Литвинова Дарья Валерьевна	41
---	----

5.2. Информационное право **45**

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИСТИКА Барабанова Дана Владимировна Воропаева Елена Валерьевна	45
---	----

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ Кашликова Полина Алексеевна Воропаева Елена Валерьевна	53
---	----

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Бредихина Анастасия Валентиновна Воропаева Елена Валерьевна	61
---	----

МЕЖДУНАРОДНО – ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Кононова Диана Александровна Воропаева Елена Валерьевна	67
--	----

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ Новикова Вероника Васильевна Воропаева Елена Валерьевна	75
---	----

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ»: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ Черников Дмитрий Порфирьевич	82
--	----

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА Чишеева Алсу Рушановна Воропаева Елена Валерьевна	90
5.3. Трудовое право; право социального обеспечения	98
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ Андреенков Денис Викторович	98
УЧЕТ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И КОНТРОЛЬ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ Плещеева Дарья Дмитриевна	104
5.4. Уголовное право и криминология; уголовно исполнительное право	108
ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ Пастухов Евгений Анатольевич	108
5.5. Уголовный процесс	112
НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ Тепляков Алексей Иванович	112
Conference papers in English	117
Section 1. Political science	117
1.1. Political institutions, processes and technologies	117
THE IMPORTANCE OF CREATING "ASAN SERVICE" CENTERS IN THE FORMATION OF E-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN Muraz Suleymanov	117

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА СЕЛЬДЖУКАМИ

Мередов Палван Гурбанмырдович

магистр,

*Туркменский Государственный Педагогического Института
им. Сейтназара Сейди,*

Туркменистан г. Туркменабат

Довранова Азиза Махтумкулыевна

преподаватель,

*Туркменский Государственный Педагогического Института
им. Сейтназара Сейди,*

Туркменистан, г. Туркменабат

THE ADOPTION OF ISLAM BY THE SELJUKS

Palvan Meredov

Master's student

*Turkmen State Pedagogical Institute
named after Seytmazar Seydi,*

Turkmenistan Turkmenabat

Aziza Dovranova*Teacher**Turkmen State Pedagogical Institute
named after Seitnazar Seydi,
Turkmenistan, Turkmenabat*

Аннотация. В данной статье показано, что сельджуки пришли к религиозному народу и приняли ислам, начиная с того времени, когда туркмены-огузы начали принимать ислам во второй половине X века. Таким образом, описаны трудности сельджуков на пути ислама после его принятия.

Abstract. This article shows that the Seljuk's came to the people and accepted Islam, starting from the time when the Oghuz Turkmen began to accept Islam in the second half of the 10th century. Thus, the difficulties of the Seljuk's on the path of Islam after accepting Islam are shown.

Ключевые слова. Азия, принятие ислама, Сельджук, единый народ, Сырдарья, государство, Огуз.

Keywords. Asia, adoption of Islam, Seljuk, united people, Syr Darya, state, Oghuz.

Возникновение Сельджукской империи, ставшей важной вехой в мировой истории, связано с фактом исламизации огузов.

Во второй половине X в. огузы стали принимать ислам. Первым ислам принял глава племени салыров и его войско в количестве 2000 человек. После этого Салыр получил имя Кара Хан, а чтобы отличить его род, принявший новую религию от огузов идолопоклонников единомышленники исламисты стали называть его «туркменским» родом [2, с. 268]. Процесс принятия ислама шел медленно, болезненно и растянулся на 4 века. Основная масса огузов в Приаралье и на нижней Сырдарье оставалась языческой. Более значительное распространение мусульманская вера получила среди огузов среднего течения Сырдарьи и западных окраин Семиречья.

Огузские 24 рода разделились на религиозной почве. Часть из них выступала за принятие мусульманства, часть оставалась идолопоклонниками и хранила верность языческим верованиям.

Мусульманская религия получила распространение сначала преимущественно среди господствующей аристократии, которая приняла новую веру чисто в коммерческих целях, для поддержания своих торговых связей с земледельческими оазисами Средней Азии. В Среднюю Азию же ислам проник благодаря арабам еще в VII в. В это время

ее территория была подконтрольна Арабскому халифату. В IX в. халифат распался, и среднеазиатские оазисы стали существовать как самостоятельные государства, управляемые местными династиями Саманидов, Тахиридов, Саффаридов, Караханидов и др. [5, с. 23]. В принятии огузским племенами ислама и распространения мусульманской религии большую роль сыграло влияние Саманидского государства, существовавшего в Мавераннахре в 820-1000 гг.

Огузы, которые вели приграничную торговлю с населением в оазисах Средней Азии, попали под влияние крупных городских центров, таких как Бухара и Самарканд. Мощный импульс этот процесс, очевидно, получил после обращения Сельджукидов в ислам [3, с. 73].

Победа промусульманской клики была обусловлена внутривнутриполитическими распрями, разгоревшимися во время правления Али Хана. Потеряв своего сюбаша Дукака (отца Сельджука), Али Хан был не в состоянии принять ни одного политически важного решения, чем обнародовал свою слабость в качестве правителя. В этих условиях его амбициозный талантливый сын Сельджук был близок к тому, чтобы по желанию народа стать верховным правителем вместо своего отца. Жена Али Хана стала подстрекать мужа к убийству Сельджука. Узнав об этом, Сельджук в сопровождении наиболее преданных ему соплеменников в 925 г. перебрался в г. Дженд. Там начался новый этап его жизни.

Дженд был расположен в среднем течении р. Сырдарья. Формально он контролировался огузами, от которых бежал Сельджук. Однако, это была та территория Средней Азии, по которой в то время с юга шло распространение ислама. На землях в нижнем течении Амударьи и Сырдарьи в таких городах, как Бухара и Самарканд, население уже приняло мусульманскую веру. Кроме того, Мавераннахр отличался фанатизмом в вопросах борьбы с неверными. Богатые жители этого региона тратили огромные суммы на джихад и создание вакфов [4, с. 101].

Сельджук, попав в новую среду оценил обстановку и принял ислам, став одним из местных лидеров джихада. Он выступил инициатором отказа от уплаты жителями г. Дженда налога - хараджа в казну немусульманского огузского государства. Изгнание из города сборщиков налогов стало причиной серии столкновений между направленными в Дженд войсками огузов и руководимыми Сельджуком отрядами горожан. Эти столкновения завершились выходом Дженда из-под контроля огузского ябгулука и принесли Сельджуку известность. Он сформировал свою армию и одержал ряд побед над «неверными» за пределами Дженда.

Со временем Сельджук стал личностью, известной не только в Дженде, но и во всем Мавераннахре. Кроме известности, войны с

«неверными», сопровождавшиеся грабежами, принесли ему богатство [4, с. 102].

Когда точно Сельджук принял ислам не известно. По мнению исследователей, это могло быть не ранее 2-й половины X в. Принятие ислама Сельджуком было продиктовано в первую очередь экономическими целями. Сельджук и его ближний круг решили принять ислам, оценив выгодность результатов этого решения. «Если мы не примем веру и обычаи народа страны, в которой мы хотим жить, то никто не станет нас уважать, и мы окажемся в меньшинстве, сужденном на одиночество» [6, с. 365]. Кроме того, принятие ислама давало моральное основание напасть на отца под предлогом священной войны с неверными. За это он получил титул гази, что значит «борец за веру» [1, с. 7].

Кроме представителей доисламского духовенства, новая религия устраивала почти все слои населения, поскольку ислам защищал интересы частных собственников, поощрял торговлю, объединял в одной вере различные этнические группы, при этом содержал общинный принцип «все мусульмане братья», предполагавший равенство и право на защиту. Роль ислама в обществе огузов - туркмен была велика и состояла в том, что способствовала преодолению родоплеменной разобщенности и развитию единого народа.

Напомним, что после принятия ислама часть общества, которая приняла новую веру стала называться мусульманским населением среднеазиатских оазисов «туркменами». Сами же огузы, принявшие мусульманство, себя так не называли. Прежнее название «огуз» относилось к враждебным кочевникам-язычникам низовьев Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия, а новое название «туркмен» применялось к огузам, осевшим в среднеазиатских государствах и ассимилировавших с ним.

Принятие мусульманства привело к кровопролитным столкновениям между язычниками, к которым относился правитель огузских ябгу и приверженцами новой веры, возглавляемых Сельджуком, а в последующем и к расколу всего государства сырдарьинских огузов. Но, также принятие мусульманства способствовало переходу на новую эволюционную стадию, в результате которого у огузов начался процесс преодоления родоплеменной разобщенности и формирования единого народа.

Список литературы:

1. Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. – М.: Наука, 1991. – 303 с.

2. Атаев Х. Туркмены – салары (салпыры) Китая // Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад. 1992. – С. 268–290.
3. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Сочинения. – Т. V. – М.: Изд-во «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1968. – 192 с.
4. Запорожцев В.М. Сельджуки. – М.: Воениздат, 2011. – 294 с.
5. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.
6. Ромаскевич А.А. Якубовский А. Ю. Волин С. Л. Арабские и персидские источники по истории туркмен и Туркмении // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – Т.1. – Москва-Ленинград.: Изд-во АН СССР, 1939. – 612 с.

1.2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ –ЮГРЫ

Рожкова Аза Мусаевна

*преподаватель высшей категории
среднего профессионального образования
БУ ВО Сургутский государственный университет,
РФ, г. Сургут*

Медицинское образование на территории Приобского Севера началось с организации в 1934 году в Остяко-Вагульске (ныне Ханты-Мансийск) национальной фельдшерско-акушерской школы.

Медицинское училище было открыто в 1934 году решением Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в г. Остяко-Вогульские (ныне г. Ханты-Мансийск) как фельдшерско-акушерская школа для подготовки медицинских кадров из числа коренных народов Севера (ханты, манси, коми, селькупы). За прошедшее с тех пор время в автономном округе создана система медицинского профессионального образования, обеспечивающая подготовку специалистов для здравоохранения региона.

90-летие Ханты-Мансийского медицинского училища в 2024 году по существу может рассматриваться как 90-летие медицинского образования в Югре, поскольку многое в этой сфере связано с этим учебным заведением. Ханты-мансийское медицинское училище на много лет стало одним из центральных, системообразующих элементов здравоохранения автономного округа. Долгий путь длиной в 90 лет можно разделить на два этапа: 30-80 годы и 90-е годы XX века по настоящее время.

На первом этапе была сформирована система среднего медицинского профессионального образования, представленная Ханты-Мансийским национальным медицинским училищем, Нижневартовским медицинским училищем и Сургутским медицинским училищем (созданными вначале как филиалы Ханты-Мансийского медучилища).

Известный исследователь А.А. Дудин-Горкавич отмечал, что «вопросы народного здоровья для Тобольского Севера являлись одними из очень важных. Положение медицинской помощи здесь таково, что при всем желании оно не в состоянии удовлетворять население» [1].

В конце XIX – начале XX веков бюджет здравоохранения Томской губернии был чрезвычайно скудным: 35 копеек на одного человека в год. В сообщении Омского Западносибирского военно-медицинского управления за 1880 год указывалось «смертность от болезней весьма значительна». Сокращение численности коренного населения стало настолько заметным, что исследованием этого вопроса специально занимались ученые Сибири такие как Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, А.И. Якобий, В.В. Бартенев, П.А. Словцов, А.А. Дунин-Горкавич и другие [1, с. 138].

Таким образом, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и санитарно-гигиенических навыков у населения обуславливали неизбежность эпидемических и других заболеваний. Ситуация стала качественно меняться после революции 1917 года. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов СССР вступил в полосу модернизации экономики, которая способствовала возрастанию роли Севера в системе народного хозяйства. Важную роль в развитии Обского Севера сыграло образование национального округа. Задача расширения лечебно-профилактической помощи укрепления медицинских кадров на местах решалась успешно. Цель создания национально-территориального округа состояла в том, чтобы способствовать не только подъему экономики, но и развитию образования культуры коренных народов (ненцев, ханты, манси, селькупов, коми, зырян) в отдаленных, труднодоступных, малообжитых территориях.

Уже к 1931 году насчитывалось 11 больниц на 150 коек, девять амбулаторий, 18 фельдшерских и трахоматозных пунктов, появился первый родильный дом, кабинет протезирования зубов. В медицинских учреждениях работали 18 врачей, 114 фельдшеров и медицинских сестер. Для работы во вновь открывавшихся учреждениях требовались местные квалифицированные кадры. Встал вопрос о создании своего медицинского учебного заведения. По решению Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (удостоверение №201 от 07.08.1934, справка №32-112 от 28.04.1934) для подготовки медицинских кадров из числа коренных народов Севера в 1934 году была открыта Остяко-Вогульская национальная фельдшерско-акушерская школа (ФАШ).

В августе 1934 года был проведен первый набор студентов из народов ханты, манси, коми, ненцев, селькупов, а в сентябре состоялось торжественное открытие ФАШ. Непросто было сделать первый набор в школу. Грамотных среди коренного населения Обь-Иртышья было тогда не более семи процентов, родители препятствовали обучению своих детей, боясь разрушения традиционного уклада жизни. Учащимся требовалась неустанная, круглосуточная забота со стороны

директора и преподавателей. Школа готовила фельдшеров и акушеров. Особенно важно отметить то, что она создавалась как национальная, следовательно, имела полное государственное обеспечение всех учащихся. Школа располагалась в двухэтажном здании, там находились кабинет директора, физкультурный зал, учебные кабинеты, библиотека и театр. Два дома были отданы под общежития – мужское и женское, располагались квартиры для преподавателей. В 1935 году были построены баня, кухня, столовая. Учащиеся и преподаватели создали подсобное хозяйство.

Практические занятия по специальным медицинским дисциплинам проходили в городской больнице, амбулатории, аптеке, родильном доме, диспансере, в яслях и детских садах. Учащиеся старших курсов в летний период, по окончании каникул, прикреплялись на один месяц к медицинским пунктам по месту жительства или ближайшим медицинским учреждениям для получения практических трудовых навыков на местах в условиях тайги и тундры.

Первого директора Остяко-Вагульской национальной фельдшерско-акушерской школы Петра Скоморохова отличала способность решать все вопросы творчески. Им были разработаны для неграмотных аборигенов особые формы этикеток-сигнатур в виде рисунков, показывающих, как надо применять, или принимать тот или иной препарат (внутрь, наружно и т.д.). Впервые их опубликовали в статье «Организация Угутской туземной больницы» (журнал «Советский север», №10, 1931 год). Данное рациональное предложение было одобрено Наркомздравом и широко применялось в северных районах страны, а позже было внедрено Всемирной организацией здравоохранения в ряде развивающихся стран. 23 октября 1940 года Остяко-Вогульский национальный округ был переименован в Ханты-Мансийский национальный округ, окружной центр Остяко-Вагульск – в Ханты-Мансийск. Соответственно школа стала называться «Ханты-Мансийская национальная фельдшерско-акушерская школа». В довоенные годы училище выпустило 118 человек. В 1938 году состоялся первый выпуск ФАШ – 10 человек. В 1939 году – второй выпуск. Дипломы фельдшеров получили 16 человек. В 1940 год – дипломы получили 49 человек: 26 фельдшеров, 23 акушерки. В июне 1941 года училище окончили 43 фельдшера, 22 выпускника сразу ушли на фронт.

В 1940 году в связи с переименованием окружного центра Остяко-Вогульска в Ханты-Мансийск школа стала называться «Ханты-Мансийская национальная фельдшерско-акушерская школа».

В 1954 году Ханты-Мансийская национальная фельдшерско-акушерская школа Постановлением Совета Министров СССР от 15 мая

1954 года № 919 переименована в Ханты-Мансийское национальное медицинское училище.

В 1993 году был организован факультет повышения квалификации медицинских работников со средним специальным образованием. Организуются филиалы в городах Сургут и Нефтеюганск.

В 1994 году был открыт филиал училища – лицейский класс медицинского профиля на базе общеобразовательной средней школы №1 в городе Когалыме. В 1994 году был присвоен статус окружного национального медицинского училища.

В 2005 году Ханты-Мансийское окружное национальное медицинское училище вошло в состав Ханты-Мансийского государственного медицинского института в качестве факультета среднего медицинского профессионального образования.

В 1986 году Евгений Ростиславович Новохов, на тот период директор училища, обратился в Москву, в Министерство здравоохранения РСФСР для решения одной очень важной задачи – разрешении открыть в городах округа филиалы медучилища для комплектования медсестрами больниц крупных населенных пунктов. Эта идея была поддержана губернатором А.В. Филипенко. Филиалы Ханты-Мансийского медицинского училища были открыты: в Советском (1986) при ЦРБ, Сургуте (1986), в 1987 году в Урае – вечернее отделение при медико-санитарной части НГДУ «Урайнефть», вечернее отделение при больнице в Нягани (1988) там таким образом готовили медсестер до 1993 года. В 2003 году очно-заочное (вечернее) отделение открыли в Югорске на базе МУЗ «ЦБК».

В данное время система подготовки специалистов среднего медицинского звена в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра организована БУ ВО «Ханты-Мансийская государственная медицинская академия» – факультет СПО, БУ «Нижевартовский медицинский колледж», БУ ВО «Сургутский государственный университет» – Институт среднего медицинского образования. Лечебные учреждения округа укомплектованы средними медицинскими кадрами на 100%. Значит, учебные заведения среднего профессионального образования справляются со своей задачей, и выполняют государственный заказ.

Список литературы:

1. Дунин–Горкавич А.А. Тобольский Север. – В 3 т. – Т.3. – М.: Либерея, 1996. – С. 138
2. Югра, №7, 1995. – С.27.
3. Источник: фонд Музея истории здравоохранения медицинского образования Югры.

4. Источник: фонд Музея истории здравоохранения медицинского образования Югры.
5. Источник: фонд Музея истории здравоохранения медицинского образования Югры.
6. Источник: фонд Музея истории здравоохранения медицинского образования Югры.
7. Источник: фонд Музея истории здравоохранения медицинского образования Югры.
8. Источник: фонд Музея истории здравоохранения медицинского образования Югры.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИ ТО) Ф.116. ОП.1.Д.141.Л.42,89.Д.149.Л.29-30.
10. ГА ХМАО.Ф.202.ОП.1.Д.5.Л.338 – Об.338.
11. Экстренный вызов. Первым медикам Югры посвящается. – Ханты-Мансийск, 2007. – С.29
12. ГА ХМАО.Ф.202.ОП.1.Д.5.Л.27,52.
13. ГА ХМАО.Ф.202.ОП.1.Д.5.Л.Л.250-252.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТОЛОГИЯ

2.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ВИДЫ, МЕТОДЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ США И КАНАДЫ)

Рыбачук Даниил Андреевич

*соискатель степени кандидата политических наук,
ДВФУ,
РФ, г. Владивосток*

TYPES, METHODS, AND POLITICAL TECHNOLOGIES IN ETHNONATIONAL POLICY (A CASE STUDY OF THE USA AND CANADA)

Daniil Rybachuk

*PhD candidate in Political Science,
Far Eastern Federal University (FEFU),
Russia, Vladivostok*

Аннотация. В работе исследуются ключевые виды и методы этнонациональной политики, применяемые государствами в условиях многоэтнического общества. Анализируются интеграционные, ассимиляционные, плюралистические и контролирующие модели этнополитики. Рассматриваются примеры этнонациональной политики США и Канады, с акцентом на подходы к латиноамериканским мигрантам. Отдельное внимание уделяется политическим технологиям, используемым для управления этническими процессами, идентичностью и миграцией. Работа направлена на осмысление баланса между сохранением культурного многообразия и обеспечением государственной стабильности.

Abstract. This paper explores the key types and methods of ethnonational policy implemented by states in multiethnic societies. It analyzes integrationist, assimilationist, pluralist, and controlling models of ethnopolitics. The study includes examples from the United States and Canada, with a focus on their approaches to Latin American migrants. Special attention is given to political technologies used for managing ethnic processes, identity, and migration. The work aims to reflect on the balance between preserving cultural diversity and ensuring national stability.

Ключевые слова: этнонациональная политика, интеграция, ассимиляция, плюрализм, мультикультурализм, этнические меньшинства, политические технологии, миграция, Канада, США.

Keywords: ethnonational policy, integration, assimilation, pluralism, multiculturalism, ethnic minorities, political technologies, migration, Canada, USA.

Этнонациональная политика представляет собой важнейшее направление государственной деятельности, направленное на регулирование отношений между этническими группами, обеспечение их прав и свобод, а также поддержание общественного согласия в условиях многообразия культур и традиций. Современные государства сталкиваются с задачей выработки сбалансированной этнонациональной политики, учитывающей как интересы национального большинства, так и потребности меньшинств. В данной работе рассматриваются основные виды этнонациональной политики, их цели, методы реализации, а также особенности применения различных политических технологий на примере США и Канады. Особое внимание уделено анализу интеграционной, ассимиляционной, плюралистической и контролирующей моделей этнополитики, а также рассмотрению механизмов взаимодействия государства с этническими группами.

В зависимости от целей и задач, которые ставит перед собой государство, можно выделить несколько видов этнонациональной политики.

Во-первых, *интеграционная этнонациональная политика*. Ее суть заключается в уважении и защите прав и интересов национальных и этнических меньшинств и создании условий для их интеграции в общество. Это может включать в себя принятие законов и программ, которые гарантируют равенство перед законом, защиту прав национальных меньшинств, создание возможностей для обучения национальных языков, развитие культурных программ и другие меры. Примером может служить этнонациональная политика Канады,

направленная на сохранение этнокультурной идентичности меньшинств при их активном участии в политической, социальной и экономической жизни страны. Закон о равенстве в Канаде был принят в рамках Конституционного акта 1982 года, вступившего в силу 17 апреля 1982 года [4]. Этот закон запрещает дискриминацию на основе расы, национальности, этнической принадлежности, веры и других факторов. Он также требует создания равных возможностей для всех граждан, включая национальные и этнические меньшинства. Таким образом, Закон о равенстве является инструментом, иллюстрирующим приверженность Канады к интеграционной модели этнонациональной политики, которая направлена на создание инклюзивного общества, уважающего и защищающего культурное многообразие.

Во-вторых, *ассимиляционная этнонациональная политика*. Она направлена на поглощение национальных и этнических меньшинств доминирующей культурой и идентичностью государства. Основной целью такой политики является минимизация этнокультурных различий и создание однородной национальной идентичности. Ассимиляция предполагает, что меньшинства отказываются от своих культурных особенностей в пользу культурного большинства. В рамках такой политики может проводиться политика языковой ассимиляции, принуждение к принятию культуры большинства, ограничение прав национальных меньшинств и т.д. [1, с. 177]. Примером может служить политика ассимиляции США в конце XIX и начале XX века. Одним из инструментов этой политики были индейские интернатные школы. Основная цель этих школ заключалась в том, чтобы «воспитать индейцев по-американски», что на практике означало уничтожение их культурной идентичности.

В-третьих, *плюралистическая этнонациональная политика*. Эта политика основывается на принципах многообразия, толерантности и уважения к культурным различиям. Она ставит перед собой цель создания условий для максимального сохранения культурных, языковых и религиозных особенностей национальных и этнических групп, а также для развития их культурных программ и механизмов самоуправления. К основным характеристикам такой политики можно отнести: а) признание многообразия: государство признает и поддерживает существование различных этнокультурных групп; б) равноправие культур: культура доминирующего большинства не считается «лучшей» или «правильной», все культуры равны и ценны; в) социальная интеграция без утраты идентичности: участие в общественной жизни не требует отказа от собственной этнокультурной идентичности; г) государственная поддержка: создаются институты и законы, способствующие сохране-

нию культурного разнообразия. Канадский философ Чарльз Тейлор подчеркивал важность признания культурных различий в плюралистических обществах. В своей работе «Политика признания» (1992) он утверждал, что культурная идентичность играет ключевую роль в самореализации личности, а потому государство должно поддерживать разнообразие [6, с. 87]. Один из ведущих теоретиков мультикультурализма Уилл Кимлика в своей книге «Мультикультурное гражданство: либеральная теория прав меньшинств» (1995) разработал теорию культурных прав меньшинств, подчеркивая, что плюралистическая политика способствует социальной справедливости и интеграции [5, с. 203]. Канадский мультикультурализм является примером плюралистической этнонациональной политики. В 1971 году Канада первой в мире официально приняла политику мультикультурализма, которая направлена на признание и поддержку культурного разнообразия.

В-четвертых, *контролирующая этнонациональная политика*. Концептуально она может быть описана как форма государственной политики, направленной на жесткий контроль и управление этническими и культурными группами с целью сохранения власти доминирующей группы или предотвращения конфликтов. В рамках такой политики государство регулирует степень влияния этнических меньшинств на общественную и политическую жизнь, стремясь либо к подавлению их активности, либо к управляемой интеграции. Основные черты контролирующей этнонациональной политики: а) сохранение доминирующей позиции основной группы: государство активно защищает политическое, экономическое и культурное превосходство доминирующей этнической группы; б) регулирование активности меньшинств: политика может включать законы и меры, ограничивающие участие этнических меньшинств в определенных сферах (например, в политике, экономике, культуре или образовании); в) жесткий контроль над миграцией и культурным влиянием: государство может ограничивать миграцию, защищать языковую и культурную гегемонию и вводить строгие меры надзора за деятельностью этнических меньшинств; г) подавление этнокультурных движений: в ряде случаев контролирующая политика направлена на подавление этнического сепаратизма или движения за автономию. Из наиболее ярких проявлений такой политики является апартеид в Южной Африке и политика в отношении к уйгурам в Китае. Однако в истории США и Канады также есть примеры подобной политики. Создание резерваций в США являлось формой контролирующей политики. Коренные американцы вынуждены были переселяться на выделенные земли, что ограничивало их свободу передвижения и доступа к ресурсам. Государство кон-

тролировало социальную, политическую и экономическую жизнь этих сообществ. До середины XX века английский язык доминировал в Канаде, что ограничивало использование французского языка, особенно в англоязычных провинциях. Это вызывало напряжение франкоязычного населения Квебека, которое боролось за признание своего языка и культуры. Эдвард Азар в своей теории «затяжных социальных конфликтов» указывал, что попытки государства контролировать этнические группы часто приводят к углублению конфликтов [2, с. 124]. Роджер Брубейкер рассматривал механизмы «контроля идентичности» в рамках национализма, где государство регулирует этническую принадлежность через законы о гражданстве, языках и культуре [3, с. 169].

Эти виды этнонациональной политики могут применяться в различных социальных и политических ситуациях и могут изменяться в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако важно, чтобы любая политика в этой области была основана на принципах справедливости, равенства, уважения и многообразия, чтобы не создавать новые конфликты и противостояния между этническими и национальными группами в обществе. Также необходимо, чтобы государство было готово к диалогу и взаимодействию с национальными и этническими меньшинствами, учитывая их интересы и потребности в процессе формирования политики.

Следует отметить, что эти виды политики могут взаимодействовать между собой и комбинироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Например, государство может проводить аккомодационную политику по отношению к малочисленным национальным группам, при этом осуществляя контроль за этническими группами, которые могут создавать угрозу государственной безопасности.

Однако необходимо понимать, что успешная этнонациональная политика требует сбалансированного подхода и учета интересов всех национальных и этнических групп в обществе. Только в этом случае можно добиться мирного сосуществования и устойчивого развития общества в целом.

Методы этнонациональной политики государства могут быть различными и варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. К ним относятся:

1. Аккомодация — это метод, при котором государство принимает меры для удовлетворения потребностей национальных и этнических меньшинств. Это может быть осуществлено через законодательные и правовые меры, например обеспечение равенства в правах и свободах, увеличение представительства национальных меньшинств в политическом процессе, финансирование культурных

программ и образовательных учреждений.

2. Интеграция — это метод, который направлен на объединение национальных и этнических групп в единое общество. Государство может способствовать интеграции, осуществляя образовательные и культурные программы, создавая условия для развития межэтнических отношений и уменьшения этнических различий.

3. Ассимиляция — это метод, при котором государство настаивает на том, чтобы национальные и этнические меньшинства адаптировались к доминирующей культуре и образу жизни в стране. Это может быть осуществлено через обязательное обучение национальной культуре, языку и обычаям. Однако этот метод часто вызывает споры и протесты со стороны меньшинств, которые чувствуют, что их культура и идентичность подвергаются угрозе.

4. Дискриминация — это метод, при котором государство дискриминирует национальные и этнические меньшинства, лишая их равных прав и возможностей. Этот метод является нарушением прав человека и может привести к конфликтам и противостояниям в обществе.

В целом, методы этнонациональной политики государства должны быть направлены на поддержание мира и стабильности в обществе, удовлетворение потребностей всех национальных и этнических групп и содействие их интеграции в общество.

Отдельно остановимся на политических технологиях в этнонациональной политике, которая включает широкий спектр политических технологий, направленных на управление этническими процессами, мобилизацию населения, регулирование конфликтов и формирование национальной идентичности. Эти технологии могут применяться как в интеграционных целях (поддержка многонационального общества), так и в целях этнической мобилизации (сепаратизм, национализм, дискриминация).

Этнонациональная политика США и Канады в отношении латиноамериканцев включает широкий спектр политических технологий, направленных как на интеграцию мигрантов, так и на контроль этнической идентичности и демографических процессов. Эти технологии можно разделить на интеграционные, контролирующие (административные), медийные и геополитические.

К первой группе отнесем технологии интеграции и управления идентичностью. В Канаде к этой группе технологий можно отнести политику «мягкого мультикультурализма». Канада активно поддерживает культурные особенности латиноамериканских мигрантов, финансируя их общины, школы и культурные проекты. Проведение Дней

латиноамериканского наследия, признание испанского языка как важного компонента мультикультурного общества. В США к этой группе технологий можно отнести политику «плавильного котла». В отличие от Канады, США склонны к быстрой культурной ассимиляции латиноамериканцев. Внедрение обязательного английского языка в образовании, поддержка программ ESL (English as a Second Language) для ускоренной интеграции. К этой же группе можно отнести «легализацию через адаптацию». В 1986 году США провели Иммиграционную реформу (IRCA), предоставив амнистию миллионам нелегальных мигрантов, что позволило им стать экономически активными. Современные программы временного труда дают легальный статус, но без политических прав.

Ко второй группе относятся контролирующие (административные) технологии. Примером таких технологий может быть – демографическое регулирование через миграционную политику. В Канаде существует балльная система отбора мигрантов, дающая приоритет квалифицированным специалистам, что ограничивает приток малообразованных латиноамериканцев. В США – жесткая пограничная политика: строительство стены на границе с Мексикой, увеличение числа депортаций и арестов нелегалов. Еще одним примером этой группы технологий можно считать позитивную дискриминацию в США и Канаде, т.е. введение квот на образование, работу, участие в политике для этнических меньшинств. Еще одна из технологий этой группы – криминализация миграции. В США латиноамериканцев часто представляют в СМИ как «угрозу» (наркотрафик, картели, преступность), что оправдывает ужесточение иммиграционной политики. В Канаде, напротив, преобладает дискурс «латиноамериканский вклад в экономику», что способствует позитивному восприятию.

К третьей группе относятся информационные и медийные политические технологии. Например, технология «гибридной ассимиляции» через СМИ. В США активно развиваются испаноязычные СМИ, но все крупные телеканалы продвигают англоязычный контент, подталкивая латиноамериканцев к культурной ассимиляции.

В Канаде поддерживаются двуязычные платформы, позволяя сохранить культурную идентичность без потери лояльности к государству. В этой же группе отметим мобилизационные технологии по привлечению голосов латиноамериканцев. В США латиноамериканцы стали важной электоральной группой, что привело к созданию «испаноязычных» избирательных кампаний (пример Б. Обама и Д. Байден активно привлекали латиноамериканских избирателей). В Канаде латиноамериканская диаспора не является мощной политической силой, поэтому технология адаптации через электоральные обещания менее развита.

Четвертой группой являются геополитические технологии, так как они являются инструментами управления государством, формирования внутренней и внешней политики, а также контроля над территориальными, этническими и ресурсными процессами. Геополитика, несмотря на свою привязку к пространственному анализу, в своей сути является политической стратегией, направленной на укрепление национальной власти, расширения влияния и регулирования международных отношений. Их основная цель – закрепление власти, продвижение национальных интересов и управление конфликтами, что делает их неотъемлемой частью политических технологий. Примером геополитических технологий можно считать политику двойных стандартов в миграции. В США кубинские мигранты получали политическое убежище, в отличие от мексиканцев и центральноамериканцев, которым часто отказывают. В Канаде действует система приоритетной иммиграции для беженцев, но с жестким отбором, что ограничивает поток латиноамериканцев. Еще одной из разновидностью геополитической технологии можно считать контроль через экономические программы. США используют экономическую зависимость стран Латинской Америки (NAFTA/USMCA), создавая условия для управляемой миграции. Канада привлекает высококвалифицированных латиноамериканцев через образовательные и рабочие визы, снижая отток неквалифицированных работников.

США и Канада используют разные политические технологии в отношении латиноамериканцев. Обе страны применяют интеграционные, контролирующие (административные), медийные и геополитические технологии для контроля этнической идентичности и управления миграцией, балансируя между экономическими интересами и национальной безопасностью.

Таким образом, этнонациональная политика государства — это важный аспект современной политики, направленный на обеспечение равенства прав и возможностей для всех граждан, включая национальные меньшинства, и на поддержку многообразия культур и языков. Различные авторы подчеркивают важность преодоления дискриминации и этнических конфликтов, обеспечения доступа меньшинств к политической власти и участию в процессах принятия решений, а также поддержки национальных идентичностей и государственных наций. Сущность этнонациональной политики состоит в создании условий для свободного проявления и сохранения культурных традиций, языков, обычаев и религии народов, проживающих в государстве. Она также направлена на поддержку этнической и социальной стабильности, предотвращение межэтнических конфликтов и создание

равных возможностей для всех групп населения. Виды этнонациональной политики могут включать в себя политику мультикультурализма, интеграционную политику, политику повышения этнической и культурной осведомленности, а также политику по защите прав и свобод меньшинств. Методы этнонациональной политики могут варьироваться в зависимости от определенных условий и особенностей государства, но могут включать в себя юридические и законодательные меры, образовательные программы, культурные и религиозные мероприятия, поддержку и развитие национальных меньшинств и другие социальные и экономические программы. В целом, цель этнонациональной политики государства заключается в обеспечении равноправия и гармоничного сосуществования всех этнических и национальных групп на территории государства, что является необходимым условием для устойчивого и процветающего общества.

Список литературы:

1. Южанин М.А. Этнонациональная политика государства в полиэтническом социуме // Социология власти. 2011. № 6. С. 176–184.
2. Azar E. The Management of Protracted Social Conflict. Dartmouth, Gower Pub. Co., 1990. 157 p.
3. Brubaker R. Ethnicity without Groups. European Journal of Sociology. Archives Européennes de Sociologie, 2002. №43 (2), Pp. 163–189.
4. Canadian Human Rights Act // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/h-6/index.html> (дата обращения: 29.10.2022).
5. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford University Press, 1996. 290 p.
6. Taylor Ch. Multiculturalism and The Politics of Recognition. Princeton University Press, 1992. 112 p.

СЕКТОР ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КАК ВЕКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Шальнев Андрей Николаевич

аспирант,

Российский Экономический Университет им. Г.В. Плеханова,

РФ г. Москва

THE RENEWABLE ENERGY SECTOR AS A VECTOR OF RUSSIA'S ENERGY POLICY

Andrey Shalnev

Postgraduate student,

Plekhanov Russian University of Economics,

Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена развитию российского сектора возобновляемой энергетики, который становится важным направлением энергетической политики страны. В работе рассматриваются ключевые тенденции и перспективы развития альтернативной энергетики в России. Особое внимание уделено мерам государственной поддержки и инвестиционным проектам, направленным на увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны. Анализируются вызовы и возможности, стоящие перед отраслью, а также потенциал России в глобальном контексте перехода к низкоуглеродной экономике.

Abstract. The article is devoted to the development of the Russian renewable energy sector, which is becoming an important area of the country's energy policy. The paper examines the key trends and prospects for the development of alternative energy in Russia. Special attention is paid to government support measures and investment projects aimed at increasing the share of renewable energy sources in the country's energy mix. The article analyzes the challenges and opportunities facing the industry, as well as Russia's potential in the global context of the transition to a low-carbon economy.

Ключевые слова: Возобновляемая энергетика, возобновляемые источники энергии, Россия, государственная поддержка, инвестиции, энергетическая политика, низкоуглеродная экономика

Keywords: Renewable energy, renewable energy sources, Russia,

government support, investments, energy policy, low-carbon economy

Россия на протяжении десятилетий ориентировалась на добычу и эксплуатацию запасов углеводородов с акцентом на производство электроэнергии из недорогого природного газа. Более широкое использование возобновляемых источников энергии не рассматривалось как важный путь развития до 2013 года, когда были приняты первые нормативные акты, способствующие их развитию [1]. Основными причинами продвижения возобновляемых источников энергии были обязательства по борьбе с изменением климата, необходимость улучшения экологической ситуации в определенных регионах и необходимость обеспечения доступной энергией автономных районов. После внедрения системы государственной поддержки новый энергетический сегмент стал привлекательным для многих крупных игроков, включая международных лидеров (например, Fortum, Vestas) и российские государственные корпорации «Роснано», «Росатом» и «Ростех».

В России правительство намерено увеличить долю возобновляемых источников энергии в 10 раз за 20 лет, доведя их долю в общей установленной мощности до 10% к 2040 году [2]. Инвестиции в возобновляемые источники энергии составят один триллион российских рублей к 2035 году. Только в 2020 году было установлено около 1 ГВт объектов солнечной и ветровой энергетики, что составило 60% от новых установленных мощностей [3]. В то время как на солнечных и ветряных электростанциях наблюдается экспоненциальный рост, на другие электростанции, работающие на возобновляемых источниках энергии, приходится незначительная доля. Целевая доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии в стране, установленная ранее российским правительством на уровне 4,5% к 2024 году, не была достигнута из-за задержек, вызванных экономическими проблемами в стране, и времени, необходимого для производства местного оборудования [4]. Эти цели амбициозны, но значительно ниже среднемировых показателей. В ходе конкурса на заключение соглашения о закупке электроэнергии на 2021 год цены на солнечную и ветровую энергию значительно снизились, что позволило достичь сетевого паритета в России в течение 5-7 лет. Между тем природный газ остается основным конкурентом возобновляемых источников энергии и считается основным источником энергии в долгосрочной перспективе из-за существующей инфраструктуры и потребности в теплоснабжении.

Несмотря на первоначальные политические рассуждения, оценки свидетельствуют о высоком техническом потенциале использования

энергии ветра и солнца во многих регионах России. Проекты в области ветроэнергетики имеют хорошие перспективы в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, арктических территориях Северо-Западного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Солнечный потенциал особенно высок в Алтайском крае, Астраханской, Ставропольской и Волгоградской областях, Республике Бурятия, Приморском крае и в прибрежных районах Северо-Востока (Сахалин и Камчатка).

Недавно принятая Энергетическая стратегия России на период до 2035 года в дополнение к централизованному энергоснабжению предусматривает развитие децентрализованной генерации электроэнергии (Министерство энергетики России, 2020) [5]. В 2019 году Закон об электроэнергетике в части развития микрогенерации предусмотрел дополнительные механизмы поддержки участников розничного рынка возобновляемых источников энергии, таких как домохозяйства и небольшие компании [6]. Они получили возможность подключать к сети свои энергоблоки мощностью до 15 кВт и продавать излишки электроэнергии по оптовой рыночной цене.

Существуют определенные препятствия для более широкого применения возобновляемых источников энергии в России. Оценка устранения этих препятствий может способствовать развитию отрасли возобновляемой энергетики в России. Во-первых, в стране наблюдается избыток установленной мощности. Поэтому простое добавление новых мощностей на возобновляемых источниках энергии не является решением. Некоторые старые электростанции, в первую очередь угольные, должны быть выведены из эксплуатации.

Во-вторых, руководители энергетических компаний часто рассматривают полное резервное оборудование для электростанций, работающих на возобновляемых источниках энергии, как единственное решение. В то же время национальная энергосистема России сталкивается с проблемой разгрузки электростанций в ночное и летнее время, а также с низким средним коэффициентом мощности тепловых электростанций (менее половины от календарного времени). Очевидно, что подход к управлению энергосистемой должен быть пересмотрен, чтобы обеспечить эффективную и экономичную интеграцию новой зеленой энергетики, которая не повлечет за собой повышения тарифов на электроэнергию.

В-третьих, это изменчивый характер возобновляемых источников энергии и их низкая предсказуемость, а также низкая плотность энергии [7]. Это ограничивает их интеграцию в сеть, особенно в больших объемах, и требует дополнительных затрат и интеллектуальных реше-

ний. Альтернативным решением могло бы стать расширение децентрализованных энергосистем и строительство электростанций вблизи основных потребителей.

В-четвертых, рынок возобновляемых источников энергии является преимущественно монополистическим. Даже при ограниченном числе игроков возобновляемые источники энергии достигли значительных успехов с точки зрения установленной мощности, доли локализованного производства оборудования и экономических характеристик (выравнивание стоимости энергии, капитальных затрат и тарифов на электроэнергию). Несомненно, при более конкурентном рынке эти достижения можно было бы расширить.

В-пятых, в стране мало исследований и разработок и интеллектуальной собственности, связанных с технологиями и оборудованием для использования возобновляемых источников энергии, большинство из которых лицензируются или приобретаются за рубежом. Это означает, что национальная база знаний очень ограничена, а большая часть лицензионных отчислений поступает за рубеж. Сложившаяся ситуация не может быть устойчивой в долгосрочной перспективе. Условием Соглашения о разделе продукции, установленным правительством, является быстрая локализация производства оборудования [8]. Однако быстрого развития национальной научно-исследовательской базы не происходит. Более того, требование быстрой локализации может исказить рынок и усилить другие барьеры.

Как и в случае с нехваткой научно-исследовательских центров, существует нехватка заводов, способных производить оборудование из возобновляемых источников энергии и соответствующих международным стандартам. Решение этих двух проблем требует времени и зависит от подготовки достаточного количества высококлассных специалистов. Кроме того, строительство новых предприятий или перепрофилирование некоторых существующих влечет за собой высокие капитальные затраты, которые могут быть окуплены только с ростом рынка.

И всё же существует несколько возможных путей развития российской отрасли возобновляемой энергетики. Они зависят от широкого спектра внешних (социальных, экономических и т.д.) и внутренних (отраслевых) факторов. Различные стрессовые сценарии могут усугубить проблемы в электроэнергетике. Научно обоснованная система энергетического прогнозирования и мониторинга позволит своевременно выявлять непредвиденные события и стрессовые факторы, а также планировать меры по их смягчению [9].

Необходимые изменения должны планироваться и осуществлять-

ся директивными органами совместно с заинтересованными сторонами. Развитие сектора возобновляемых источников энергии — это не искусственное мероприятие в стране, богатой ископаемым топливом, а первый необходимый шаг в соответствии с глобальными тенденциями и меняющимися глобальными экономическими и политическими приоритетами. В стране необходимо создать прочную научно-исследовательскую и производственную базу, чтобы достичь хорошего уровня технологической зрелости и избежать зависимости от импорта. Качественные (структурные) изменения в энергетической отрасли кажутся неизбежными и несколько запоздалыми. К ним относятся полный вывод из эксплуатации старых электростанций, радикальное сокращение добычи угля и угольной генерации, а также запуск масштабной программы модернизации. Необходимо должным образом устранить побочные эффекты (безработицу и т.д.) в тех сегментах, которые придется закрыть или существенно ограничить.

Необходимо усилить рыночную конкуренцию в экономике, энергетике и секторе возобновляемых источников энергии. Это должно привести к повышению эффективности технологий и снижению затрат. Однако планы по локализации производства оборудования могут быть пересмотрены. Это позволит большему числу участников выйти на рынок, включая традиционные энергетические компании (включая компании добывающей промышленности), которые могут диверсифицировать свой бизнес. Сетевым компаниям следует совершенствовать системы релейной защиты, автоматизации и предотвращения аварий, учитывая растущую долю распределенных электростанций.

В будущем технологии чистой энергетики должны полностью обеспечить бытовое потребление электроэнергии и тепла по доступным ценам без ущерба для энергетической безопасности. Это непростая задача, требующая долгосрочного планирования, диверсификации энергетического баланса и массового внедрения новых эффективных решений в области водоснабжения, питания и энергетики, улучшения передачи и распределения энергии, а также удешевления систем хранения энергии. Четкий и научно обоснованный перечень приоритетов в области зеленой энергетики должен определять расходы правительства и частного сектора на НИОКР, направленные на достижение технологической независимости и приобретение необходимых компетенций. Улучшение международного сотрудничества в области НИОКР и передача технологий будут способствовать достижению глобальных экологических и климатических целей.

Список литературы:

1. ADRE (2020). Ассоциация по развитию возобновляемой энергетики: информационный бюллетень «Рынок возобновляемой энергетики России: текущая ситуация и перспективы развития». URL: <https://treda.ru/information-bulletin-2020> (дата обращения: 01.04.2025).
2. ВР (2020). Энергетический прогноз ВР на 2020 год. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporative/pdf-файл/экономика/энергетики/энергетический_прогноз/bp-energy-outlook-2020.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
3. Институт энергетики РАН, Московская школа управления «СКОЛКОВО» (2019). Прогноз развития энергетики в мире и России на 2019 год. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOV_O_EneC_Forecast_2019_Rus.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
4. Ермоленко Б. В., Ермоленко Г. В., Фетисова Ю., Проскуракова Л. Н. (2017). Технический потенциал ветровых и солнечных фотоэлектрических систем: методология измерения и оценки для России. Энергия, том 137, стр. 1001-1012.
5. МЭА (2020). Возобновляемые источники энергии 2020: анализ и прогноз до 2025 года. Анализ и прогноз до 2025 года. Отчет о расходах топлива — ноябрь 2020 г. URL: <https://www.iea.org/reports/renewables-2020> (дата обращения: 01.04.2025).
6. МГЭИК (2018). Специальный доклад о возобновляемых источниках энергии и смягчении последствий изменения климата. Издательство Кембриджского университета, Нью-Йорк, 2018.
7. Киндрас А., Мейснер Д. и Вишневский К. (2019). Региональный форсайт для объединения национальной науки, технологий и инноваций с инновациями компаний: опыт России. Журнал экономики знаний, том 10, стр. 1319-1340.
8. Проскуракова Л. (2017). Энергетика России в 2030 году: будущие тенденции и технологические приоритеты. Форсайт, том 19, № 2, с. 139-151.
9. Проскуракова Л. (2019). Анализ приоритета «энергетика» в Научно-технической стратегии России.
10. Проскуракова Л. и Ермоленко Г. (2019). Будущее российского сектора возобновляемой энергетики: тенденции, сценарии и политика. Возобновляемая энергетика, том 143, стр. 1670-1686.
11. Проскуракова Л., Кызынгашева Е. и Стародубцева А. (2021). Российская электроэнергетика под давлением: сценарии развития после COVID и последствия для политики. Интеллектуальная энергия, том 3, статья 100025 (открытый доступ).
12. Российский совет энергетического рынка (2021). Ассоциация «Совет некоммерческого партнерства по организации эффективной системы торговли на оптовом и розничном рынках электроэнергии и мощности». URL: <https://www.np-sr.ru/ru/market/vie/index.htm> (дата обращения: 01.04.2025).

13. Министерство энергетики Российской Федерации (2020). Энергетическая стратегия России до 2035 года. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 01.04.2025).
14. Министерство энергетики Российской Федерации (2021). Основные характеристики российской электроэнергетики, URL: https://so-ups.ru/новости/пресс-релиз/просмотр_пресс-релиза/news/15543/ (дата обращения 01.04.2025).
15. «Ведомости» (2020). Энергетические компании — заложники собственной эффективности, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2020/06/22/833166-энергетики-заложниками-эффективности> (дата обращения: 01.04.2025).

РАЗДЕЛ 3. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРЕДИТОРОВ В СИНДИЦИРОВАННОМ КРЕДИТОВАНИИ

Бобылев Игорь Анатольевич

аспирант кафедры частного права
Гуманитарного института
АНО ВО Российский новый университет,
РФ, г. Москва

ORGANIZATIONAL AGREEMENT AS A METHOD OF INTERACTION BETWEEN CREDITORS IN SYNDICATED LENDING

Igor Bobylev

Postgraduate student,
Chairs of Private Law Humanitarian
Institute Russian New University,
Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается организационный договор как ключевой инструмент регулирования взаимоотношений между кредиторами в процессе синдицированного кредитования. Анализируются основные элементы такого договора, включая порядок принятия решений, выбор кредитного управляющего и распределение долей участников. Особое внимание уделяется определению правовой природы договоров такого вида.

Abstract. The article examines the organizational agreement as a key

instrument for regulating the relationship between creditors in the process of syndicated lending. The main elements of such an agreement are analyzed, including the decision-making procedure, the choice of the credit manager and the distribution of the participants' shares. Particular attention is paid to determining the legal nature of such agreements.

Ключевые слова: организационный договор; многосторонний договор; взаимодействие кредиторов; синдицированное кредитование; межкредиторские соглашения; координация деятельности; синдицированный кредит.

Keywords: organizational agreement; multilateral agreement; interaction of creditors; syndicated lending; intercreditor agreements; coordination of activities; syndicated loan.

В частно-правовых отношениях по синдицированному кредитованию применяются организационные договоры. Предметом организационных договоров служат определение наиболее общих условий взаимосвязанной деятельности, которые не могут быть предусмотрены в заключаемых субъектами разовых, отдельных договорах.

Такие договоры определяют процедуру возникновения и общие условия исполнения конкретных имущественных обязательств в последующем, а также устанавливают меры, направленные на повышение эффективности этой деятельности. К организационным договорам в синдицированном кредитовании можно отнести договор об организации синдицированного кредита и соглашение о порядке взаимодействия между участниками синдиката кредиторов

Для сообщества кредиторов в синдицированном кредитовании организационные договоры приобретают особую ценность. Основная цель таких договоров — упорядочить и систематизировать взаимодействие между различными кредиторами, участвующими в сделке. Организационные договоры в синдицированном кредитовании устанавливают единые правила и процедуры для всех участников синдиката, что способствует эффективному управлению долговыми обязательствами должника. В рамках таких договоров определяются механизмы принятия решений, распределение прав и обязанностей между кредиторами, а также меры ответственности за несоблюдение установленных правил. Важное место в договорах о координации деятельности кредиторов занимают вопросы согласованности действий при возникновении спорных ситуаций, связанных с исполнением долговых обязательств. В таких договорах могут быть предусмотрены механизмы разрешения конфликтов, включающие медиацию и арбитраж, что позволяет мини-

минимизировать риски и предотвратить судебные разбирательства.

Предметом договора о координации деятельности кредиторов - участников синдиката обычно являются следующие вопросы:

- формирование синдиката кредиторов, включая установление порядка принятия решений внутри синдиката, распределение голосов, определение вопросов, требующих единогласного одобрения, и тех, которые могут решаться большинством голосов;
- выбор кредитного управляющего и определение объема его полномочий;
- уточнение долей участия каждого члена синдиката [2, с. 11].

Одним из ключевых вопросов, который участники синдиката обязаны решить в рамках соглашения о координации, заключается в выборе кредитного управляющего. Этот важный аспект требует тщательного обсуждения и принятия решения, которое, как правило, осуществляется через процедуру единогласного голосования. В ходе данного процесса также определяется круг полномочий выбранного управляющего, а также устанавливается четкий механизм взаимодействия между членами синдиката и кредитным управляющим относительно порядка подачи необходимых указаний. При этом особое внимание уделяется разработке детальных регламентов по оперативному управлению кредитным портфелем, включая процедуры мониторинга выполнения заемщиком своих обязательств, контроля за обеспечением и принятия решений о применении мер воздействия при нарушении условий кредитного соглашения. Механизм взаимодействия между членами синдиката и кредитным управляющим предусматривает разработку четких процедур согласования ключевых решений, определение форматов регулярной отчетности, а также установление правил передачи информации между участниками. Особое значение придается регламентации процесса принятия решений в нестандартных ситуациях, включая случаи дефолта заемщика или необходимости пересмотра условий кредитного соглашения. Таким образом, выбор кредитного управляющего и определение его полномочий представляют собой комплексный процесс, требующий тщательной проработки всех аспектов взаимодействия между участниками синдиката для обеспечения эффективного управления кредитным портфелем и защиты интересов всех сторон. Как отмечает Л.А. Попкова, договор о координации нельзя рассматривать исключительно как аналог договора простого товарищества. Это уникальное соглашение (*sui generis*), обладающее своей особой правовой природой, схожей с самим договором синдицированного кредита, что делает его самостоятельным правовым институтом [2, с. 11]. О.М. Иванов акцентирует внимание на том, что весь договор

синдицированного кредита, включая и отдельные элементы, такие как межкредиторское соглашение, не могут быть квалифицированы как классический договор простого товарищества [1]. Трудно не согласиться с этой позицией, поскольку договор синдицированного кредита представляет собой самостоятельную договорную конструкцию. Такой договор предполагает предоставление денежных средств заемщику несколькими кредиторами согласованно друг с другом, в то время как договор простого товарищества подразумевает объединение вкладов участников и совместную деятельность для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели. Договор синдицированного кредита скорее сложный, многоаспектный договор, который не является ни смешанным, ни договором простого товарищества. Соответственно, и договор о координации действия кредиторов в синдицированном кредите не может рассматриваться как договор простого товарищества, иначе пришлось бы пересмотреть саму структуру договора синдицированного кредита. На основании вышеизложенного, стоит согласиться с мнением, согласно которому межкредиторское соглашение о координации действий участников синдиката не может считаться относящимся к категории договора простого товарищества. Действительно, не все положения главы 55 ГК РФ применимы к отношениям внутри синдиката. Однако нельзя ограничиваться лишь определением этого типа договора как *sui generis*, ведь такое определение не позволяет точно установить его место среди иных гражданско-правовых договоров. Основная задача рассматриваемого договора — установление правил взаимодействия между всеми участниками синдиката. Поэтому этот договор можно охарактеризовать как многосторонний и организационный, поскольку на его основе создается сам синдикат и регламентируется порядок его работы.

В результате заключения договора о координации деятельности участников синдиката возникают корпоративные правоотношения. Следовательно, этот договор правомерно рассматривать как многостороннюю организационную сделку.

Список литературы:

1. Иванов О.М. Консорциальный кредит по праву Германии // Арбитражная практика. – 2016. – № 10–12.
2. Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. – Москва, 2017. – 29 с.
3. Сарбаш С. В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. – М.: Статут, 2004. – 110 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=475859> (дата обращения: 12.03.2025).
5. Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №1 (Часть I). – ст. 70. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=393240> (дата обращения: 12.03.2025).

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО СОДЕРЖАНИЮ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ РОДИТЕЛЯМИ СВОИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Забоева Виктория Евгеньевна

магистрант,

Саратовская государственная юридическая академия,

РФ, г. Саратов

На сегодняшний день семейно-правовые вопросы сохраняют свою значимость и образуют сложную систему принципов, направленных на удовлетворение потребностей как всей семьи, так и отдельных её членов. Семейные отношения регулируются семейным законодательством Российской Федерации, которое устанавливает и регулирует защиту и потребности детей, в том числе и алиментные обязательства. Возникновение алиментных обязательств родителей перед своими несовершеннолетними детьми является их конституционной обязанностью, предусмотренной статьей 38 Конституции Российской Федерации [4]. Законодатель не раскрывает дефиницию алиментов, однако устанавливает права, обязанности и их размер, то есть конкретные основания для выплаты. Можно сказать, что: «Под алиментными обязательствами понимается комплекс мер, направленных на материальное обеспечение детей, родители которых уклоняются от своих обязанностей, отмечая при этом роль государства в обеспечении их исполнения» [6].

Таким образом, в настоящее время вопрос алиментных обязательств остается актуальным.

С позиции семейного права обязательства подразумевают такие права и обязанности членов семьи, которые регулируют не только внутрисемейные отношения, но и устанавливают границы ответственности каждого участника. Эти обязательства включают как материальную составляющую, такую как уплата алиментов, так и нематериальные аспекты, включая заботу и надлежащее воспитание детей.

Каждый ребенок имеет право на заботу и получение содержания от своих родителей согласно статьям 54 и 60 Семейного кодекса Российской Федерации. Реализация права ребенка на получение содержания осуществляется путем надлежащего исполнения обязанности родителями по его предоставлению, что является безусловным согласно статье 80 Семейного кодекса Российской Федерации [1]. В статьях 26 и 27 Конвенции о правах ребенка предусмотрена не просто обязанность, но и

финансовая ответственность родителей за содержание ребенка [3].

Таким образом, алименты представляют не право, а обязанность родителей в отношении своих несовершеннолетних детей путем выплаты им материального содержания.

Российское законодательство предусматривает, что обязанности родителей по выплате алиментов на несовершеннолетних детей возникают вследствие установления происхождения ребенка от конкретного родителя, а также не предусматривает специальных условий для возникновения такой обязанности как, например, наличие у родителей достаточных средств для выплаты алиментов, нуждаемости детей в материальной поддержке и другие. Также совместное или раздельное проживание родителей и несовершеннолетних детей не влияет на исполнение алиментной обязанности.

Таким образом, алиментные обязательства возникают на основании происхождения ребенка от родителя, не требуя наличия особых условий и совместного проживания.

В условиях изоляции от общества родители могут сталкиваться с определенными трудностями. Распространенной проблемой является вопрос их трудоустройства. Многие осужденные не хотят работать и уклоняются от выполнения алиментных обязательств, что указывает на их низкий уровень правосознания.

Они забывают, что время, проведенное в изоляции от общества, не освобождает их от алиментов, и задолженность будет накапливаться до освобождения.

По словам директора ФСИН России А.А. Гостева в 2023 году трудоустройство осужденных в исправительных колониях составляло 86, 5 % [5]. По сравнению с прошлыми годами, например, в 2020 году статистика составляла 57, 5 %.

Таким образом, прослеживается налаживание процесса трудоустройства лиц, находящихся в условиях изоляции от общества, однако также присутствует процент нетрудоустроенных лиц, что свидетельствует об отсутствии достаточного наличия рабочих мест.

В случае трудоустройства у осужденного производится удержание в соответствии со статьей 107 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации из заработной платы или иного дохода [2]. Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» установлено, что в первую очередь удержанию подлежат алименты, что обусловлено необходимостью оказания помощи несовершеннолетним детям.

Осужденные возмещают расходы по своему содержанию, которое осуществляется только после удержания алиментов из заработной

платы и иных доходов, также удерживаются подоходный налог, отчисления в Социальный фонд Российской Федерации и иные обязательные отчисления. Большинство осужденных не имеют других источников дохода, например, от предпринимательской деятельности.

Поэтому взыскание алиментов в основном осуществляется только с их заработной платы.

Таким образом, удержание денежных средств у родителей, находящихся в местах лишения свободы, производится в основном из заработной платы, приоритетным удержанием являются алименты на их несовершеннолетних детей.

Обобщая вышесказанное, отметим что родители, находящиеся в местах лишения свободы, сталкиваются с проблемами трудоустройства, что затрудняет выполнение ими алиментных обязательств.

Несмотря на увеличение уровня занятости среди осужденных в 2023 году, остаются лица, не имеющие работы. Удержание алиментов производится преимущественно из заработной платы осужденных, причем эти выплаты имеют приоритет перед иными обязательствами.

Несовершеннолетние дети, в интересах которых производится удержание алиментов с родителей, отбывающих наказания в местах лишения свободы, оказываются в значительно более неблагоприятном положении по сравнению с детьми, алименты которых взыскиваются с лиц, не находящихся в заключении.

Дети осужденных уже сталкиваются с социальными трудностями из-за разрыва связи с родителем, и в рамках текущей практики взыскания алиментов, они становятся наиболее уязвимыми и менее защищенными гражданами.

Список литературы:

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года

- № 2–ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11–ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8–ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет–портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
5. Трудоустройство осужденных в колониях достигло 86, 5%. – Текст электронный // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21216907> (дата обращения: 05.04.2025).
 6. Шведчикова Е. В., Долганева А. В. Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2021. - № 1 (152). – С. 110-111.

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В АСЕАН И ЕАЭС: НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЛАОСА

Литвинова Дарья Валерьевна

*аспирант,
кафедра правового регулирования экономической деятельности,
Федеральное государственное образовательное бюджетное
учреждение высшего образования Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
РФ, г. Москва*

THE EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC COMMERCE IN ASEAN AND THE EAEU: ON THE EXAMPLE OF THE NATIONAL LEGISLATION OF RUSSIA AND LAOS

Daria Litvinova

*Postgraduate student,
Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье анализируется влияние международных соглашений, таких как Протокол о регулировании электронной торговли в рамках Евразийского экономического союза и Соглашение АСЕАН об электронной торговле, на развитие законодательства Российской Федерации и Лаосской Народно - Демократической Республикой. Отмечаются ключевые аспекты правового регулирования электронной торговли в России и Лаосе.

Abstract. The article analyzes the impact of international agreements, such as the Protocol on the Regulation of Electronic Commerce within the Framework of the Eurasian Economic Union and the ASEAN Agreement on Electronic Commerce, on the development of legislation in the Russian Federation and the Lao People's Democratic Republic. The key aspects of the legal regulation of electronic commerce in Russia and Laos are highlighted.

Ключевые слова: электронная торговля; электронная коммерция; ЕАЭС, АСЕАН.

Keywords: e-commerce; EAEU, ASEAN.

Эффективное взаимодействие Лаоса и России в сфере торговых отношений достигается благодаря единству и близости подходов к решению ключевых мировых проблем. «Товарооборот между Россией и Лаосом в 2021 году, согласно представленными ФТС РФ данным, составил более 20 миллионов долларов, в том числе российский экспорт – 9,6 миллиона долларов и импорт – 10,6 миллиона долларов» [3].

Значительное влияние на развитие законодательства Лаоса в сфере электронной торговли оказало Соглашение АСЕАН, принятое 4 марта 2019 года, об электронной торговле [9]. Цель данного Соглашения заключается в способствовании унификации и гармонизации правил электронной торговли между Азиатскими странами Юго - Восточного региона.

Помимо Соглашения, в рамках АСЕАН, была разработана Рабочая программа по развитию электронной торговле на 2017 – 2025 гг [5]. Согласно положениям данной программы к 2020 г., национальное законодательство стран – участниц АСЕАН в области электронной торговли должно быть сформировано, в части касающейся: правового статуса электронных сделок (договоров), электронных подписей, защиты прав потребителей и их данных.

Региональные инициативы АСЕАН оказывают существенное влияние на развитие национального законодательства Лаоса, в частности в целях реализации Рабочей программы по развитию электронной торговли АСЕАН, в Лаосе были приняты следующие акты:

Постановление об электронной торговле № 296/GoL: В сфере электронной торговли существует два вида договора. Первый вид договоров – это соглашения, заключаемые посредством различных социальных сетей. Второй вид договоров – это соглашения, заключаемые между продавцом и покупателем о продаже, покупке или обмене товарами (услугами), с помощью электронных средств связи, а именно посредством использования функции онлайн заказа на электронной платформе, созданной ее владельцем [6].

Закон об электронной подписи № 59/ NA: В Лаосе существует три вида электронных подписей: 1) Простая электронная подпись; 2) Цифровая электронная подпись; 3) Цифровая печать [7]. Физические и юридические лица намеревающиеся использовать электронные подписи в своей коммерческой деятельности обязаны получить сертификат от Министерства телекоммуникаций Лаоса. Данный сертификат подтверждает юридическую силу электронной подписи, и признает

ее равнозначной собственноручной подписи или печати, поставленной на бумажном носителе.

Первая глава **Закона об электронных сделках № 20/NA**, посвящена процедуре заключения электронного договора, которая состоит из следующих этапов [8]:

1. Направление оферты о заключении договора и принятие ее условий;

2. Письмо о намерениях или иное заявление инициатора сделки или адресата информационного сообщения или электронного документа о дальнейших действиях в целях заключения электронной сделки;

3. Соглашение сторон электронной сделки о выборе технологических средств связи, вида электронной коммуникации и порядке подписания электронной подписью документа.

Россия, будучи участницей ЕАЭС (далее - Союз), также должна адаптировать свое законодательство в сфере электронной торговли в соответствии с интеграционными процессами, осуществляемыми внутри Союза. Евразийский межправительственный совет разработал план мероприятий по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли [4], который включает в себя следующие пункты:

1. Формирование унифицированного стандарта «цифрового профиля» товара для маркетплейсов (к 2023 году);

2. Разработка проекта международного соглашения по вопросам электронной торговли в рамках Союза, направленного на разрешения таких вопросов как: формулировка единого терминологического аппарата, определение субъектов электронной торговли, обеспечения защиты прав и интересов участников электронной торговли, включая защиту прав потребителей, создание условий для обеспечения устойчивости физической и цифровой инфраструктуры электронной торговли в Союзе, включая защиту данных и информационную безопасность (к 2023 году);

3. Установление перечня электронных документов, используемых в онлайн торговле товарами, а также определение их форматов, состава информации и правил оформления (к 2024 году).

В 2024 году, заместитель министра экономического развития РФ – Д. Вольвач заявил о том, что «соглашение об электронной торговле товарами в ЕАЭС находится на финальной стадии согласования» [2]. Несвоевременное выполнение Плана, направленного на развитие правового регулирования электронной торговли в Союзе негативно сказывается на формировании и совершенствовании национального законодательства России.

В настоящее время, на рассмотрении в Государственной Думе РФ находятся несколько законопроектов, направленных на урегулирование отношений в сфере электронной торговли [1].

Соглашение АСЕАН об электронной торговле, принятое Лаосом способствовало унификации и гармонизации правил электронной торговли на национальном законодательном уровне. Очевидно, что региональные инициативы АСЕАН побуждают стран – участниц принимать нормативно – правовые акты, способствующие созданию единой цифровой среды в регионе.

Страны – участницы Союза, также должны адаптировать свое законодательство в соответствии с международными стандартами и интеграционными процессами, проходящими в рамках Союза. Задержки в имплементации международных соглашений, таких как Соглашение об электронной торговле товарами в ЕАЭС, препятствуют развитию полноценного правового регулирования данной сферы в России, что негативно отражается на интеграции в мировую цифровую экономику.

Список литературы:

1. В Госдуму внесен законопроект, устанавливающий единые требования к деятельности маркетплейсов // СПС КонсультантПлюс, 2024. URL: <https://clck.ru/3DvLTk> (дата обращения: 01.03.2025).
2. Дмитрий Вольвач: соглашение об электронной торговле товарами в ЕАЭС находится на финальной стадии согласования // Минэкономразвития России, 2024. URL: <https://clck.ru/3DvGdU> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Межгосударственные отношения России и Лаоса // РИА Новости, 2023. URL: <https://ria.ru/20230912/laos-1895647790.html> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Решение Евразийского межправительственного совета «О плане мероприятий («дорожной карте») по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли в рамках Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза, 22.11.2021. URL: <https://clck.ru/3DuYjB> (дата обращения: 01.03.2025).
5. ASEAN Work Programme on Electronic Commerce (AWPEC) 2017–2025 // ASEAN, 2017. URL: <https://clck.ru/3DuWZq> (дата обращения: 04.03.2025).
6. Decree on Electronic Commerce № 296/GoL // Ministry of Justice, Lao PDR, 2021. URL: <https://clck.ru/3DsBcn> (дата обращения: 07.03.2025).
7. Law on Electronic Signature № 59/Na, dated 12 December 2018 // ASEAN Briefing, 2024. URL: <https://clck.ru/3DtFxp> (дата обращения: 07.03.2025).
8. Law on Electronic Transaction № 20/NA, dated 07 December 2012 // e-Lao Official Gazette, 2023. URL: <https://clck.ru/3Dtrfu> (дата обращения: 07.03.2025).
9. The ASEAN Agreement on Electronic Commerce, dated 04 March 2019 // ASEAN Legal Instruments, 2019. URL: <https://clck.ru/3DuVpU> (дата обращения: 04.03.2025).

5.2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИСТИКА

Барабанова Дана Владимировна

студент,

Ростовский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,

Ростовский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

CRIMES AGAINST MINORS COMMITTED USING THE INTERNET: CONCEPT, FEATURES, CHARACTERISTICS

Dana Barabanova

Student,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Elena Voropaeva

Teacher,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье рассматриваются преступления против несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет, что служит актуальной темой в условиях современного цифрового общества. Увеличение зависимостей молодежи от онлайн-пространства делает эту проблему особенно значимой как для правозащитников, так и для государственных служб. Также обсуждаются важные характеристики этих преступлений, включая методы их совершения, способы защиты, а также влияние на психическое и физическое здоровье молодежи. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению проблемы, включая как правовые меры, так и образовательные инициативы для молодежи и родителей.

Abstract. The article examines crimes against minors committed via the Internet, which is a topical issue in today's digital society. The increasing dependence of young people on the online space makes this problem especially significant for both human rights defenders and government agencies. Important characteristics of these crimes are also discussed, including the methods of their commission, methods of protection, and the impact on the mental and physical health of young people. The article emphasizes the need for a comprehensive approach to solving the problem, including both legal measures and educational initiatives for young people and parents.

Ключевые слова: Интернет, несовершеннолетние, информационные технологии, киберпреступность, цифровое пространство.

Keywords: Internet, minors, information technology, cybercrime, digital space.

Быстрое развитие информационных технологий и Интернета, а также широкое использование мобильных устройств в повседневной жизни, привели к значительным изменениям во всех аспектах жизни современного человека. Виртуальное пространство открывает возможности для различных видов деятельности: от профессиональной работы до планирования досуга и удовлетворения различных потребностей. Однако вместе с почти неограниченными возможностями онлайн-пространство также может представлять собой множество опасностей, особенно для уязвимых групп населения, включая несовершеннолетних.

Киберпреступления - преступления, совершаемые в киберпространстве с помощью компьютерных сетей или компьютерных систем, а также иных средств к доступу [5]. Преступления, совершаемые с использованием современных технологий и средств связи, представ-

ляют повышенную угрозу для детей и подростков. Помимо серьезных негативных последствий для жизни и благополучия несовершеннолетних, характерной особенностью правонарушений, осуществляемых в цифровой среде, является их слабая раскрываемость. Это обусловлено рядом факторов, включая анонимность в сети, трансграничный характер преступлений и сложность сбора и анализа цифровых доказательств. Злоумышленники активно используют шифрование, подмену IP-адресов и другие технические средства для сокрытия своей личности и следов преступной деятельности. Правоохранительным органам приходится сталкиваться с необходимостью постоянного повышения квалификации сотрудников в области компьютерной криминалистики, разработки и внедрения новых методов расследования и международного сотрудничества. Важным аспектом является также взаимодействие с Интернет-провайдером и социальными сетями для получения необходимой информации о пользователях и их активности в сети.

Интернет в ряде случаев несет в себе опасность, особенно для несовершеннолетних. В социальных сетях несовершеннолетние обмениваются практически всей информацией о себе, она может без каких-либо дополнительных усилий быть скопирована, сохранена на долгое время и использована другими пользователями, в том числе незаконно. Через Интернет злоумышленники потенциально имеют практически неограниченный доступ к детям, их телам, умам, кошелькам [3].

Анализ криминогенной ситуации в нашей стране демонстрирует противоречивую ситуацию: общее число преступлений, согласно официальной статистике, снижается, однако динамика отдельных категорий преступлений вызывает серьезную тревогу. Современные преступники, обладая доступом к достижениям научно-технического прогресса, быстро адаптируются к новым условиям, используя Интернет, криптовалюты и сложные схемы для сокрытия своей деятельности. Например, киберпреступления, включая фишинг, кражу персональных данных и мошенничество в сети, демонстрируют устойчивый рост, значительно опережая возможности правоохранительных органов по их пресечению. В этой связи наблюдается дефицит специалистов, способных эффективно расследовать преступления в цифровой среде, а также нехватка законодательной базы, незамедлительно реагирующей на новейшие схемы мошенничества.

Численность несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, растет. Факторами, способствующими вовлечению детей в криминальные сети, являются: рост кибербуллинга, распространение наркотических средств через социальные сети, доступ к экстремистским материалам, а также слабость профилактических мер и недос-

таточное внимание к проблемам детской безопасности в Интернете. Кроме того наблюдается тенденция к использованию несовершеннолетних в качестве исполнителей преступлений, что свидетельствует о высокой степени организованности и расчетливости преступных группировок. Они используют юношеский возраст как фактор снижения степени ответственности и усиления трудностей в расследовании.

Для эффективного противодействия этим негативным тенденциям необходимы комплексные меры. Это включает совершенствование законодательства, усиление работы правоохранительных органов, развитие специализированных подразделений по расследованию киберпреступлений, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также проведение масштабных профилактических мероприятий, направленных на повышение информационной грамотности населения, особенно детей и подростков. Бабенко С.В., Семенцова И.А., Пухкалова М.О. для достижения целей расследования считают необходимым осуществлять повсеместное привлечение к расследованию компьютерных преступлений специалистов в данной сфере. Однако действующее отраслевое законодательство в настоящее время очень сдержанно подходит к возможности привлечения указанных специалистов, а порой даже и не предусматривает подобного участия, и осмотр места происшествия проводится без специалиста, что влечет за собой в дальнейшем очень большие пробелы в расследовании [2]. Необходима тесная кооперация между правоохранительными органами, образовательными учреждениями и родителями для создания безопасной среды для детей и предотвращения их вовлечения в преступную деятельность. Важно также учитывать социологические и психологические факторы, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних, и разрабатывать целевые программы по их нейтрализации. Только интегрированный подход, основанный на совместных усилиях всех заинтересованных сторон, может эффективно справиться с этой серьезной проблемой.

Создание новейших Интернет-технологий несёт человечеству не только блага и комфорт. Зачастую это приводит к появлению совершенно новых форм эксплуатации и насилия несовершеннолетних (и других групп населения). Электронная почта, социальные сети, общественные Интернет-форумы, анонимные чаты и прочее значительно облегчили правонарушителям установление контакта с детьми. При личном общении это сложнее. В Интернет-пространстве хранится огромное количество личной информации пользователей, причём не все понимают, как правильно хранить личную информацию, что бы она не стала доступна широкому кругу пользователей Сети. Ин-

формационные технологии позволили преступникам получать эту информацию и использовать в своих корыстных целях [4].

Интернет выступает как инструмент глобального общения, что создает дополнительные трудности при использовании традиционных юридических механизмов для борьбы с незаконной деятельностью в сети. Глобальный характер сети и ее международность усложняют определение юрисдикции и применение национального законодательства к правонарушениям, совершенным в интернете. Это требует разработки новых, адаптированных к специфике онлайн-среды, методов защиты прав и законных интересов.

Исходя из этого, термин «цифровое пространство» необходимо определять, как совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и сайтов в сети Интернет и сетей связи [7].

К преступлениям в сфере информационных технологий относятся как распространение вредоносных программ, кража номеров банковских карт, взлом паролей и т.д., так и распространение противоправной информации (клеветы, материалов, возбуждающих межнациональную и межрелигиозную вражду и т.д.) через Интернет, а также вмешательство через компьютерные сети, приводящее к сбою в работе различных систем [6].

Сведения конкретной направленности, задачи их передачи и порой само влияние информации способны носить деструктивный характер, другими словами, оказывать разрушительное воздействие на личность, подрывая стабильную работу социума.

В диссертационном исследовании кандидата наук Антипова А.И. прослеживается то, что деструктивное информационное воздействие с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей может представлять опасность, прежде всего тем, что охватывает большую аудиторию, а полученная информация воспринимается не критически, а как достоверная по умолчанию, а после информационного воздействия у отдельных лиц возникает умысел на совершение пропагандируемых, предлагаемых, описываемых действий. Такой умысел может возникнуть даже несмотря на возможную вредоносность поведения, а также запрещённость подобных деяний [1].

Деструктивная информация представляет угрозу как конкретному человеку и это касается его личной безопасности, так и для общества в целом и заключается не столько в содержании информации, сколько в масштабах ее распространения и публичности. Особенно

вредны призывы к незаконным действиям, позитивное отношение к фактам, событиям и взглядам, которые идут вразрез с общепринятыми правовыми и моральными принципами, а также демонстрируют явное неуважение к социуму.

Скрываясь за анонимностью в социальных сетях, обладая поверхностными знаниями о психологии детей и подростков, злоумышленники в интернете способны совершать разнообразные преступления против несовершеннолетних. Это включает распространение онлайн-травли, доводящую до самоубийства, и организацию суицидальных групп. Интернет также служит инструментом для вербовки несовершеннолетних в незаконные организации, включая экстремистские и террористические группы, а также вовлеченные в наркоторговлю. Самыми популярными онлайн-платформами, используемыми для совершения преступлений против несовершеннолетних, являются социальные сети, видеохостинги и приложения для обмена сообщениями.

Необходимость разработки и усиления мер борьбы с угрозами безопасности несовершеннолетних, обусловленных использованием сети Интернет, а также формирования безопасной информационной среды отмечена в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [8]. Настоящая Стратегия является документом стратегического планирования, определяющим угрозы безопасности детей, а также цели, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности детей [9]. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также обеспечивает информационную безопасность несовершеннолетних и устанавливает условия и порядок распространения информационной продукции среди детей [11].

Действующая законодательная база на государственном и международном уровнях, ограничивает распространение сведений, способных навредить детям, и запрещает деятельность, осуществляемую с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, направленную против несовершеннолетних. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", устанавливает правила для взаимоотношений, возникающих в таких ситуациях как: реализация права на поиск, получение, передачу, создание и распространение информационных материалов; использование информационных технологий в различных сферах деятельности; обеспечение безопасности

информационных ресурсов и данных [10]. Созданы специальные подразделения в правоохранительных органах, специализированные компании и некоммерческие организации, которые занимаются отслеживанием сетевой активности пользователей и выявлением нарушений правовых норм.

В заключение стоит подчеркнуть, что преступления против несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет, представляют собой сложную и многогранную проблему, требующую комплексного подхода. Неограниченные возможности, предоставляемые глобальной сетью, создают новые угрозы для детей, делая их уязвимыми перед различными формами эксплуатации и насилия. Необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее онлайн-пространство, разрабатывать эффективные методы выявления и пресечения подобных преступлений, а также повышать осведомленность общества о потенциальных рисках. Важную роль играет сотрудничество между правоохранительными органами, образовательными учреждениями, родителями и общественными организациями. Общество должно объединить усилия для создания безопасной среды для подрастающего поколения в цифровом пространстве.

Список литературы:

1. Антипов А.И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: дисс. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 248 с.
2. Бабенко С.В., Семенцова И.А., Пухкалова М.О. Проблемы использования информационных технологий в расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве // Журнал: наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, Ростов-на-Дону, 2024 года : Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2024. - С. 96-99.
3. Букалерева Л.А., Остроушко А.В., Криз О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть интернет) // Журнал: Вестник Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 17-35.
4. Дороженко Е.К., Биккинин И.А. Преступления против несовершеннолетних в цифровой среде: обзор проблемы и пути противодействия // Журнал: Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы – Уфа, 2022. – С. 178-179.

5. Мержоев А.М., Агаян В.А. Проблема противодействия киберпреступности в современное время: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции // Актуальные проблемы экономики и права: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Ростов – на – Дону, 4 сентября 2020 года. – Ростов – на – Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове – на – Дону, 2020. – С. 292-294.
6. Моисеева П. С. Использование сети Интернет и информационных технологий как способ совершения преступлений: вопросы законодательной регламентации: Автореф. дисс. канд. юрид. наук — Волгоград, 2021. — 101 с.
7. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / [А. Ф. Абдулвалиев и др. ; под науч. ред. проф. Е. В. Смахина, проф. Р. Д. Шарапова, доц. В. И. Морозова] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. — 376 с.
8. Туркулец В.А. Защита несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием сети интернет: Автореф. дисс. канд. юрид. наук – Москва, 2024. – 10 с.
9. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 "О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года" // Документы ленты ПРАЙМ. 18.05.2023 г.
10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (в ред. от 23.11.2024) // Российская газета. 29.07.2006 N 165.
11. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" (в ред. от 30.11.2024) // Российская газета. 31.12.2010 N 297.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Кашликова Полина Алексеевна

студент,

Ростовский институт (филиал,)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,

Ростовский институт (филиал,)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

KEY DIRECTIONS FOR PREVENTING CRIMINOGENIC VICTIMIZATION OF INTERNET USERS IN CYBERSPACE

Polina Kashlikova

Student,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Elena Voropaeva

Teacher,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье автор рассматривает существующие меры, как основные направления предупредительного воздействия на криминогенную виктимизацию пользователей сети «Интернет» в кибер-

пространстве. Анализирует официальные статистические данные по совершенным преступлениям с использованием современных информационных технологий, влияние на безопасность как отдельной личности, так и на экономическую безопасность страны.

Сопоставляет ключевые факторы криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве с индивидуальной поведенческой профилактики, а так же делает выводы по безопасному использованию сетевых ресурсов и использованию превентивных мер.

Abstract. In the article, the author examines existing measures as the main directions of preventive impact on criminogenic victimization of Internet users in cyberspace. Analyzes official statistics on crimes committed using modern information technologies, the impact on the security of both an individual and the economic security of the country. Compares key factors of criminal victimization of Internet users in cyberspace with individual behavioral prevention, and also draws conclusions on the safe use of network resources and the use of preventive measures.

Ключевые слова: криминогенная виктимизация, кибервиктимизация, кибервиктивность, киберпространство, киберпреступление, кибержертва, несовершеннолетние, предупреждение виктимизации, виктимологическая профилактика, индивидуальная профилактика, общесоциальная профилактика.

Keywords: criminogenic victimization, cyber victimization, cyber victimhood, cyberspace, cyber crime, cyber victim, minors, victimization prevention, victimological prevention, individual prevention, general social prevention.

В современном мире уровень криминогенной виктимизации остается высоким, несмотря на осведомленность большинства пользователей сети «Интернет» в киберпространстве.

Согласно результатам национального виктимологического обзора кибержертв в Российской Федерации за 2024 год, полученных кандидатом юридических наук Д. В. Жмуровым из 127,6 млн. пользователей российского Интернета, 78,7 млн. считают себя жертвами киберпреступлений. Общий коэффициент виктимизации на 1 млн. населения составил 537 394 человека. Этот показатель свидетельствует о чрезвычайной напряженности данной сферы общественных отношений: глобальных масштабах проблемы; высокой динамике криминализации и виктимизации в информационно-телекоммуникационной области [4, с. 535-537].

Наиболее распространенными преступлениями за прошедший

год о которых упоминали опрошиваемые оказались деяния по статьям 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (27,1 % пострадавших).

Особую тревогу вызывает виктимизация несовершеннолетних, поскольку с помощью виртуальной реальности преступники могут подавить желания несовершеннолетнего, ввести в тяжелое эмоциональное состояние и убедить в необходимости суицида [2, с. 108].

В погоне за лайками подростки готовы раздеться, выставить напоказ интимные части своего тела, принять участие в любых аморальных и противоправных действиях, совершить суицидальную попытку [3, с. 86].

Важнейшей составляющей предупреждения киберпреступлений является виктимологическая профилактика киберпреступности, а ее прогрессивным направлением выступает кибервиктимология - отрасль научного знания, исследующая виктимность (виктимизацию) пользователей в виртуальном пространстве объединенных компьютерных сетей» [7, с. 542].

Доктор юридических наук А. В. Майоров отмечает, что одним из способов предотвращения негативных последствий в информационной среде является цифровая гигиена (кибергигиена), которая входит в систему виктимологической профилактики как пассивный метод обеспечения безопасности цифрового профиля личности. Цифровая гигиена - это формирование полезных привычек в отношении кибербезопасности, позволяющих не стать жертвой киберугроз и избегать проблем сетевой безопасности. Развитие критического мышления и осознанности помогают личности не поддаваться на манипуляции и принимать взвешенные решения, противодействуя методам социальной инженерии и дистанционным мошенничествам [9, с. 84].

Виктимологическая профилактика киберпреступности представляет собой совокупность мероприятий, направленных на недопущение кибервиктимизации отдельных социальных групп или частных лиц [6, с. 37].

В данном случае речь идет об индивидуальной виктимологической профилактике киберпреступности, которая представляет собой превентивную деятельность, направленную на лиц, обладающих повышенной виктимностью в информационно-технологической среде. Главная ее задача - усилить личную безопасность потенциальных жертв интернет-преступлений, повысить степень их защищенности и выработать основы социального иммунитета [5, с. 52-57].

Индивидуальная виктимологическая профилактика имеет следующие ключевые уровни:

1. Доинцидентный, разработка моделей раннего противодействия киберпреступности - заключается во внедрении значительного числа стандартов и шаблонов, снижающих виктимность в цифровом пространстве и не допускающих ее реализации.

Например, для физических лиц можно выделить несколько эталонов доинцидентной виктимологической безопасности:

- безопасное использование гаджетов и персонального компьютера (установка лицензионного программного обеспечения и его регулярные обновления);
- безопасный серфинг в виртуальном пространстве (проверка надежности сайтов и защищенности соединения; отказ от публичных опросов, розыгрышей, кешбэк-сервисов);
- навыки защиты от вредоносных программ (использование операционных систем последней версии; автообновление браузера);
- безопасная эксплуатация сетей Wi-Fi (приоритет использования запароленных сетей; запрет на передачу конфиденциальных данных и платежной информации через публичный доступ);
- безопасная активность в социальных сетях (тщательное отношение к кандидатам в друзья; удаление неиспользуемых аккаунтов);
- безопасное использование электронной почты (использование почтовых антивирусов);
- безопасная игровая деятельность онлайн (отказ от внесения персональных данных в игровой профиль; от использования анонимных и пиратских серверов с низким рейтингом);
- безопасное осуществление онлайн-покупок (хранение ограниченной суммы денег на счету, либо выставление лимитов по проводимым операциям).

2. Инцидентный уровень (разработка стандартов учета виктимного поведения) предполагает концентрацию внимания на выявлении, фиксации, подсчете и статистическом отображении группы виктимизированных лиц в интернете. В США, например, функционирует Internet Crime Complaint Center (IC3), центр приема сообщений о преступлениях в интернете, в России эти функции мог бы выполнять Единый центр кибервиктимизации (ЕЦК).

3. Постинцидентный уровень (разработка стандартов реагирования на кибервиктимизацию) относится к преодолению ближайших и отдаленных последствий киберпреступности, например, для пострадавших от кибербуллинга открыты интернет-программы «Травли.net», сервис «Маяк» проекта «Добро.mail.ru»

Кандидат юридических наук Е. А.Родина в своем диссертационном исследовании «Противодействие криминальной виктимизации

пользователей сети «Интернет» в киберпространстве» отмечает, что снижению виктимизации пользователей сети Интернет могут служить следующие меры общесоциального характера [10, с. 11-12]:

- формирование полноценного цифрового суверенитета Российской Федерации, то есть способности государства реализовывать и контролировать весь спектр технологий и программного обеспечения, лежащих в основе функционирования киберпространства, для чего необходимо построение современной национальной полупроводниковой индустрии и переход на национальное программное обеспечение, начиная с государственных учреждений, и переноса деятельности всех цифровых компаний отечественного происхождения в отечественную юрисдикцию;

- разработка отечественной цифровой валюты;
- поддержка государственным финансированием наиболее успешных информационных проектов патриотической, образовательной, энциклопедической и культурной направленности, формирующих общее культурное пространство страны, повышающих уровень грамотности населения и снижающих тем самым риски виктимизации пользователей с условием бесплатного доступа для всех желающих либо радикального снижения расценок на такой доступ;

- министерствам просвещения, образования и науки, министерствам образования субъектов РФ необходимо стимулировать перенос обучающих видеоматериалов, которые готовятся преподавателями учебных заведений, на российские аналоги западных видеосервисов;

- органы государственной власти должны обязать подчиненные им подразделения переносить проведение дистанционных мероприятий на российские программные платформы, запретить использование иностранных мессенджеров и обеспечить переход на российские программные продукты аналогичной функциональности.

Кандидатом юридических наук Е. В. Кузнецовой в своем диссертационном исследовании «Предупреждение делинкветного поведения несовершеннолетних, провоцируемого контентом сети Интернет» предложены направления по совершенствованию предупреждения делинкветного воздействия контента и асоциального поведения в сети Интернет на несовершеннолетних, которые включают [8, с. 10-11]:

- закрепление прав и обязанностей субъектов предупреждения преступлений, установление перечня, содержания и порядка проведения профилактических мероприятий в сети Интернет;

- разработку холдингами Яндекс, Mail.RuGroup, Google*, Rambler&Co и др. системы маркировки, позволяющей лицам, размещающим информационную продукцию, самостоятельно определять

возрастную классификацию пользователей, на которых она ориентирована;

- введение возрастной маркировки абонентов мобильной связи (до 18 лет и старше) с целью ограничения доступа несовершеннолетних к контенту сети Интернет;

- создание на базе образовательных организаций системы МВД России и высших образовательных организаций юридической направленности групп из числа наиболее подготовленных обучающихся, осуществляющих профилактическую деятельность в общеобразовательных учреждениях;

- проведение просветительских программ и производство фильмов и мультфильмов для детей, сюжетная линия которых будет содержать информацию о рисках и угрозах, связанных с использованием сети Интернет, и мероприятиях, направленных на их профилактику.

В настоящее время во всем мире, в том числе и России, стремительный рост набирает игровая индустрия, которая подталкивает людей искать новые способы развлечений и общения.

Для того, чтобы не стать жертвой незаконной азартной деятельности, совершаемой в телекоммуникационной системе сети «Интернет», следует соблюдать определенные превентивные меры [1, с. 98]:

1. На электронном ресурсе, где предлагают вести платёжную информацию, проверять наличие SSL-сертификата, а также его тип: DV - с проверкой по домену, OV - с проверкой по организации, EV - с расширенной проверкой организации;

2. Осуществлять проверку на отсутствие опечаток в наименовании доменного имени;

3. Читать отзывы о сайте сети и проверять наличие контактных данных, ofert, информацию о предоставляющей услуги организации на данном сайте;

4. При регистрации аккаунта использовать сложные пароли;

5. Использовать дополнительные средства защиты online банка путём ограничения на online покупки и установления двойной аутентификации;

6. Применять лицензионное и общепризнанные средства защиты компьютерной информации, такие как антивирусы, фаерволы и адблок.

Несомненно, что в условиях стремительного развития компьютерных технологий, пользователи будут сталкиваться с новыми видами угроз их законным правам и интересам, однако, как представляется, предложенные в настоящей статье комплексные меры профилактики при их реализации создадут фундамент для надежной системы обеспечения безопасности в киберпространстве.

Список литературы:

1. Агаян В. А., Вавилова А.А. Государственное регулирование азартных игр в сети Интернет // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: Региональный вектор: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 07 декабря 2021 года. - Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2022. - С. 96 - 99.
2. Агаян В. А., Пичугина И.Ю. Цифровые средства совершения преступлений или искусственный интеллект, виртуальная реальность, Darknet в преступной деятельности // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: Региональный вектор: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 07 декабря 2021 года. - Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2022. - С. 106 - 109.
3. Алтухов С. А. Проблемы борьбы с преступностью в условиях изменения формата медиапространства // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. - Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2021. - С. 82-87.
4. Жмуров Д. В. Виктимологическая характеристика жертв киберпреступлений России // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14, № 4А. С. 532-538.
5. Жмуров Д. В. Индивидуальная виктимологическая профилактика киберпреступности // Сибирский юридический вестник. 2023. №1 (100). С. 52-59.
6. Изосимов В. С., Габова А. П. Виктимологическая профилактика киберпреступности // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 3 (54). С. 35-41.
7. Кабанов П. А. Рецензия на книгу Д. В. Жмурова «Кибервиктимология // Виктимология. 2023. Т. 10, №4. С. 538-559.
8. Кузнецова Е. В. Предупреждение делинкветного поведения несовершеннолетних, провоцируемого контентом сети Интернет: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук - Курск, 2019. - 25 с.
9. Майоров А.В. Виктимологическое обеспечение информационной безопасности личности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №3 (42). С. 80-88.

10. Родина Е. А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2022. - 217 с.

* По требованию Роскомнадзора информируем, что иностранное лицо, владеющее информационными ресурсами Google является нарушителем законодательства Российской Федерации – прим. ред.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бредихина Анастасия Валентиновна

студент,

Ростовский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,

Ростовский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

FORMATION AND DEVELOPMENT OF A CULTURE OF INFORMATION SECURITY FOR MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Anastasia Bredikhina

Student,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Elena Voropaeva

Teacher,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса формирования и развития культуры информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации. Рассмотрены основные этапы

становления системы защиты детей от угроз в цифровой среде, а также современные вызовы, связанные с использованием интернета и цифровых технологий. Особое внимание уделено роли государства, образовательных учреждений и семьи в формировании культуры информационной безопасности. Предложены рекомендации по совершенствованию мер защиты несовершеннолетних в цифровом пространстве.

Abstract. The article is devoted to the study of the process of formation and development of the information security culture of minors in the Russian Federation. The main stages of the formation of the system of protection of children from threats in the digital environment, as well as modern challenges associated with the use of the Internet and digital technologies are considered. Particular attention is paid to the role of the state, educational institutions and family in the formation of the information security culture. Recommendations are proposed for improving measures to protect minors in the digital space.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровая грамотность, культура информационной безопасности, несовершеннолетние, кибербезопасность.

Keywords: information security, digital literacy, information security culture, minors, cybersecurity.

С развитием цифровых технологий и широким распространением интернета вопросы информационной безопасности несовершеннолетних становятся всё более актуальными. Дети и подростки активно используют интернет для обучения, общения и развлечения, однако цифровая среда таит в себе множество угроз, таких как кибербуллинг, мошенничество, доступ к нежелательному контенту и другие. Формирование культуры информационной безопасности несовершеннолетних является важной задачей для государства, образовательных учреждений и семьи.

По мнению кандидата юридических наук Сустиной Т.И. культура информационной безопасности — это совокупность знаний, навыков и установок, которые позволяют пользователям безопасно взаимодействовать с цифровой средой. Для несовершеннолетних это особенно важно, так как они являются одной из наиболее уязвимых групп пользователей интернета. Актуальность проблемы обусловлена следующими факторами: рост числа интернет-пользователей среди детей и подростков; увеличение количества киберпреступлений, направленных против несовершеннолетних; недостаточная осведомлённость детей и родителей о рисках в цифровой среде [8, С. 14].

Согласно исследованию "Дети России в цифровом пространстве" (2022), более 90% детей в возрасте от 6 до 17 лет регулярно используют интернет, при этом 40% из них сталкивались с кибербуллингом или другими формами онлайн-агрессии [11, С. 169].

Формирование культуры информационной безопасности несовершеннолетних в России можно разделить на несколько этапов:

Начальный этап (2000-е годы): в этот период началось активное распространение интернета в России, однако меры по защите детей в цифровой среде были недостаточно развиты. Основное внимание уделялось техническим аспектам, таким как фильтрация контента. Примером ранних мер стало создание "белых списков" сайтов, доступных для детей в школах и библиотеках. Однако эти меры были недостаточно эффективными из-за быстрого развития интернета и появления новых угроз.

Развитие законодательной базы (2010-е годы): в 2010-х годах в России начали приниматься законы, направленные на защиту детей в интернете. Например, в 2012 году был принят Федеральный закон № 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию". Этот закон установил возрастные категории контента и обязал провайдеров ограничивать доступ к нежелательным материалам [10]. Также в этот период были запущены образовательные программы, направленные на повышение цифровой грамотности. Например, проект "Сетевичок" стал одной из первых инициатив, направленных на обучение детей основам безопасного поведения в интернете [12].

Современный этап (2020-е годы): сегодня в России активно развиваются программы по формированию культуры информационной безопасности. К ним относятся: образовательные проекты, такие как "Урок цифры" и "Безопасный интернет"; сотрудничество с IT-компаниями для разработки инструментов родительского контроля; проведение информационных кампаний для родителей и педагогов. Например, в 2021 году Министерство цифрового развития запустило программу "Цифровая грамотность", которая включает курсы для детей, родителей и учителей [3].

Несмотря на принимаемые меры, проблема информационной безопасности несовершеннолетних остаётся актуальной. Одной из основных проблем в современном мире является травля в интернете, которая может привести к серьёзным психологическим последствиям. Согласно исследованию "Лаборатории Касперского" проведенного в 2023 году, 45% российских школьников сталкивались с кибербуллингом, при этом только 20% из них обращались за помощью [2]. Примером может

служить случай в одной из московских школ, где ученик стал жертвой травли в социальных сетях, что привело к его уходу из школы и длительной психологической реабилитации.

Порнография, пропаганда насилия и экстремизма остаются серьёзной угрозой. Несмотря на фильтрацию контента, дети могут случайно или намеренно получить доступ к таким материалам. Например, в 2022 году было зафиксировано более 500 случаев, когда дети получали доступ к экстремистским материалам через социальные сети [4].

Фишинг, кража личных данных и денежных средств. В 2022 году было зарегистрировано более 10 000 случаев мошенничества с участием несовершеннолетних. Примером может служить случай, когда подросток стал жертвой фишинговой атаки, потеряв доступ к своим социальным сетям и электронной почте.

Кандидат юридических наук Бабанина Д.В., указывает, что не стоит забывать о чрезмерном использовании гаджетов, которое может негативно сказаться на здоровье и развитии детей [1, С. 9]. По данным ВОЗ, более 30% детей в России проводят в интернете более 4 часов в день.

Для успешного формирования культуры информационной безопасности необходимо взаимодействие всех заинтересованных сторон, в первую очередь государства, которое обязано разрабатывать и совершенствовать законодательство, финансировать образовательные программы, а также сотрудничать с IT-компаниями для создания безопасной цифровой среды.

Примером успешной государственной инициативы является создание Единого реестра запрещённых сайтов, который позволяет оперативно блокировать опасный контент.

Следующим не менее важным агентом в формировании культуры информационной безопасности по мнению кандидата юридических наук Туркулец В.А. являются образовательные учреждения, которые должны внедрять курсы по цифровой грамотности, ввести проведение тренингов и семинаров для учащихся и педагогов, создавать школьные программы по кибербезопасности [9, С. 17]. Например, в рамках проекта "Урок цифры" школьники изучают основы кибербезопасности в игровой форме [5, С. 221].

Семья также имеет очень важную роль, в первую очередь это обучение детей основам безопасного поведения в интернете, использование инструментов родительского контроля, регулярное обсуждение с детьми их онлайн-активности [6, С. 486].

Необходимо увеличивать уровень информационной безопасности, ведь несовершеннолетние являются одной из самых уязвимых

пользователей современной сети интернет, благодаря указанным ниже мерам это становится возможным [7, С. 661].

Подводя итог, можно сделать вывод, что формирование и развитие культуры информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации требует комплексного подхода и активного участия государства, образовательных учреждений и семьи:

Расширение образовательных программ, включая в них практические занятия по кибербезопасности.

Разработка мобильных приложений и онлайн-платформ для обучения детей и родителей.

Усиление контроля за соблюдением законодательства в области защиты детей в интернете.

Проведение регулярных информационных кампаний для повышения осведомлённости о рисках в цифровой среде.

Создать национальную систему мониторинга киберугроз для детей.

Современные вызовы, такие как кибербуллинг и доступ к нежелательному контенту, требуют новых подходов и решений, которые позволят обеспечить безопасность детей в цифровой среде.

Список литературы:

1. Бабанина Д.В. Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук – Краснодар, 2023. – 24 с.
2. Лаборатории Касперского: официальный сайт. — URL: <https://www.kaspersky.ru> (дата обращения: 12.03.2025)
3. Материалы Министерства цифрового развития РФ о программе "Цифровая грамотность": официальный сайт. — URL: <http://government.ru> (дата обращения: 17.03.2025)
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.03.2025)
5. Николаева А.В. Молодежная политика в сфере цифровизации / А.В. Николаева // Мировая наука. - 2023. - №5. – С. 220 – 224.
6. Решетников И.В. Влияние современных информационных технологий на семейные отношения / И.В. Решетников // Academic research in educational sciences. - 2024. - №3. – С. 484 – 488.
7. Сетраков, А. В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в действия, опасные для их жизни и здоровья / А. В. Сетраков, И. А. Семенцова // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. – 2020. – № 1. – С. 658-663. – EDN VHSCXM.
8. Сустина Т.И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук – М., 2023. – 28 с.

9. Туркулец В.А. Защита несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием сети интернет: Автореф. дисс. канд. юрид. наук – Москва, 2024. – 10 с.
10. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства РФ 03.01.2011. №1.
11. Филатова Т.А., Гайсина А.Р., Назаров П.В. Направления противодействия преступлениям с использованием компьютерных технологий в Российской Федерации / Т.А. Филатова, А.Р. Гайсина, П.В. Назаров // - Kant. 2023. - №4. – С. 166 – 175.
12. ЮНИСЕФ: официальный сайт. — URL: <https://www.unicef.org> (дата обращения: 17.03.2025)

**МЕЖДУНАРОДНО – ПРАВОВЫЕ АКТЫ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Кононова Диана Александровна

студент,

Ростовский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,

Ростовский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

**INTERNATIONAL LEGAL ACTS AND FOREIGN
EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF ENSURING
INFORMATION SECURITY OF MINORS**

Diana Kononova

Student,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Elena Voropaeva

Teacher,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье рассматривается движение к обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних в России, начиная с конца 20 века. Особое внимание уделяется ключевым законодательным актам, таким как Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и Концепции информационной безопасности. На основе анализа зарубежного опыта выделяются приоритетные направления для улучшения системы защиты несовершеннолетних в России, включая изучение национальных проектов, усовершенствование миграционной и государственной политики, и развитие финансового контроля.

Abstract. The article examines the movement towards ensuring the information security of minors in Russia since the end of the 20th century. Particular attention is paid to key legislative acts, such as the Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" and the Concept of Information Security. Based on the analysis of foreign experience, priority areas for improving the system of protection of minors in Russia are identified, including the study of national projects, improvement of migration and state policy, and development of financial control.

Ключевые слова: информация, ребенок, право, безопасность, несовершеннолетний, информационный, год, Российская Федерация, статья, защита, акт, закон, цель, человек, международный, федеральный, конвенция, преступление, декларация, развитие.

Keywords: information, child, law, security, minor, informational, year, Russian Federation, article, protection, act, law, purpose, person, international, federal, convention, crime, declaration, development.

Защита несовершеннолетних, является одним из самых главных направлений государственной политики, закреплённая в ст. 67 Конституции Российской Федерации, устанавливает, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России [6], к числу основополагающих целей относит реализацию и укрепление прав детей, недопущение их дискриминации. Это подчеркнуто в частности в Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» подчеркивается, что государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности [13].

Кандидат наук Сустинова Татьяна Ильинична в своем диссертационном исследовании указывает, что несовершеннолетние (дети, подростки, ребенок, несовершеннолетие дети) являются самостоятельными субъектами информационно – правовых отношений, и в связи с этим правовое обеспечение их информационной безопасности определяется повышенной чувствительностью к воздействию информационных технологий и необходимостью защиты от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию [11].

Актуальность информационной безопасности несовершеннолетних обусловлена рядом следующих факторов:

- активная деятельность в интернете;
- неспособность детей фильтровать качество информации;
- влияние информации на психическое и физическое развитие.

Киберпреступления – преступления, совершаемые в киберпространстве с помощью компьютерных сетей или компьютерных систем, а также иных средств к доступу [8].

Также кандидат юридических наук Туркулец Валентина Алексеевна указывала, что киберпреступление против несовершеннолетних – это любое деяние, посягающее на права, свободы и законные интересы лиц, не достигших возраста 18 лет, совершаемое посредством использования информационных технологий, виртуальной реальности, искусственного интеллекта и ИТС [12];

В истории человечества, начиная с конца 20 века, особое внимание уделялось информационной безопасности несовершеннолетних. Современные проблемы информационной безопасности детей вызваны множеством причин. Поскольку в Российской Федерации кибератаки стали фиксироваться намного позже, нежели зарубежье, их решение возможно увидеть, основываясь на зарубежном опыте правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, который базируется на международно-правовых актах.

Некоторые даты, связанные с обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних за рубежом:

1) 1996 год. В США Конгресс одобрил Communication Decency Act, признавший незаконным размещать сети «контент, заведомо оскорбительный, согласно общественным стандартам».

2) 2009 год. В Китае запретили международные социальные сети и мессенджеры, а контент на местных платформах строго модерируется.

3) 2023 год. Во Франции действует закон, согласно которому администраторы социальных сетей должны проверять возраст пользователей и у детей младше 15 лет запрашивать разрешение родителей.

Вопросы информационной безопасности несовершеннолетних

в РФ начали регулироваться в 2010-х годах, когда был принят ряд законодательных актов, направленных на защиту их интересов в информационном пространстве.

Так, Федеральный закон от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» установил существенные ограничения для распространителей информации относительно детей. Некоторые ограничения:

- Запрещается распространять среди детей информацию, побуждающую к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, способную развивать порочные наклонности

- Названная информация не может транслироваться по телевидению и радио с 4:00 до 23:00 (кроме платных каналов)

- Предусмотрены возрастные ограничения в отношении изображения (описания), насилия, преступлений, смерти, заболеваний, самоубийств, несчастных случаев, аварий, катастроф, их последствий, а также половых отношений [15].

Рубежным моментом стало принятие 20 ноября 1989г., на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Конвенции о правах ребенка, ратифицированной СССР и ставшей зримым символом трансформации международно-правовых подходов к данной проблеме.

Наша страна, присоединившись к данному международно-правовому акту 13 июня 1990г., взяла на себя обязательство привести национальное законодательство в соответствие с Конвенцией. Во исполнение этого обязательства 24 июля 1998 г., был принят Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», закрепляющий основы государственной политики в интересах детей, целями которой стали: осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основ гарантий прав и законных интересов ребенка, а также восстановление их прав в случаях нарушений. Также в вышеприведенном Федеральном законе от 24 июля 1998 года №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» есть положения об обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних [13].

Согласно закону, органы государственной власти принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Кроме того, в законе предусмотрено, что для обеспечения безопасности жизни, охраны здоровья, нравственности ребенка и защиты его от негативных воздействий проводится экспертиза настольных, компьютерных и иных игр, игрушек и игровых сооружений для детей.

А так же, от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» основной целью являлось обеспечение информационной безопасностью несовершеннолетних. Данный закон приводит понятийный аппарат и механизмы регулирования в соответствии с практикой применения информационных технологий, определяет правовой статус различных категорий информации, закрепляет положения о регулировании создания и эксплуатации информационных систем, общие требования к использованию информационно-телекоммуникационных сетей. [14].

Информационная безопасность детей (несовершеннолетних) – это состояние защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью, физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

Информационная безопасность несовершеннолетних в Российской Федерации регулируется Концепцией информационной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28.04.2023 №1105-р. Документ определяет информационную безопасность детей как состояние защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, нравственному развитию. Одна из положений Концепции: введение в российских школах уроков информационной безопасности и цифровой грамотности. [10].

Стратегическая цель информационной безопасности – развитие безопасного информационного пространства, защита общества в частности и российского, от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Международно-правовые акты в частности являются соглашением между субъектами международного права и призваны оказывать регулирующее воздействие на межгосударственные отношения.

Принцип допустимости ограничения законом свободы получать и распространять информацию и идеи, если это необходимо в интересах национальной безопасности или общественного порядка, в целях предотвращения преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц закреплен в Всеобщей декларации прав человека (п.2 ст.29), в которой говорится о том, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния

в демократическом общественном порядке и общего благосостояния в демократическом обществе [1]; Международном пакте о гражданских и политических правах (п.3 ст.19 и ст.20) [2] ; Декларации Совета Европы о средствах массовой информации и правах человека [3]; Конвенции ООН о правах ребенка. Статья 13 Конвенции гласит, что ребенок имеет право на свободу выражения информации. Статья 17 Конвенции о правах ребенка устанавливает, что государства-участники обеспечивают ребенку доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников [4]. «В европейском Союзе ключевым документом, классифицирующим и устанавливающим ответственность за компьютерные преступления является Convention on Cybercrime CETS № 185 (Конвенция Совета Европы о киберпреступности), принятая в Будапеште 23 ноября 2001 года» [5]. Цель конвенции- раскрытие признаков киберпреступлений для их фиксации в законодательстве стран-участниц и организации уголовного преследования. Кроме того, Конвенция обязывает интернет-провайдеров оказывать правоохранительным органам содействие в перехвате необходимой информации.

Конвенция ООН о правах ребенка (ст. 13, 17, 34) обязывает государства-участников обеспечить разработку «надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию», а также устанавливать необходимые ограничение прав самого ребенка, включая «свободу искать, получать, передавать информацию и идеи любого рода».

Базовым универсальным документом в области правового обеспечения защиты прав несовершеннолетних является Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года. Данное соглашение основано на принципе наилучшего обеспечения интересов ребенка, обязательств государств «обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону», для чего они «принимают все соответствующие законодательные и административные меры» (ч.1 и ст.3) [6].

Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы относительно приоритетных направлений использования зарубежного опыта в Российской Федерации:

- Изучение зарубежного опыта реализации национальных проектов.

Это件лезно не только для внедрения подобных программ, но и для анализа собственных ошибок, что позволит избежать повторения

негативного опыта других государств.

- Усовершенствование миграционной политики.

Внедрение новых инструментов управления процессами трудовой миграции позволит усовершенствовать систему отбора и привлечения трудовых мигрантов в те отрасли и регионы, в которых наблюдается дефицит трудовых ресурсов.

- Реформирование государственной службы.

Опыт зарубежных стран в этой сфере поможет определить методы и способы организации государственной службы, которые будут уместны и применимы в отечественной практике.

- Развитие публичного управления.

При реформировании системы публичного управления в России необходимо учитывать зарубежный опыт децентрализации публичного регулирования социально-экономических отношений с развитием информационных коммуникаций управленческих структур.

- Совершенствование финансового контроля.

При реформировании системы государственного финансового контроля следует опираться на организацию финансового контроля в других странах, используя их положительный опыт.

Таким образом, главный акцент статьи заключается в том, что для достижения эффективной защиты несовершеннолетних в информационном пространстве необходимо обобщение как внутреннего, так и международного опыта, а также активное сотрудничество различных ведомств и участие общественности в формировании безопасного информационного окружения для детей.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
2. Декларация о средствах массовой информации и правах человека (провозглашена резолюцией парламентской ассамблеи совета европы от 23 января 1970г. №428) // справочная правовая система «гарант».
3. Декларация прав ребенка (провозглашена резолюцией 1386 (xiv) генеральной ассамблеи оон от 20 ноября 1959 г.) // справочная правовая система «гарант».
4. Конвенция о правах ребенка (принята в нью-йорке, 20 ноября 1989 г.) Подписана от имени сср 26 января 1990 г., ратифицирована постановлением вс сср от 13 июня 1990 г. N 1559-і (по состоянию на 15.09.1990) // сборник международных договоров сср, м., 1993 г., выпуск xlvі.
5. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации // Будапешт 23.11.2001. Ets n 185.

6. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 20.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 14.03.2020 № 1-ФКЗ// Российская газета. 25 декабря 1993г. № 237 (первоначальный текст).
7. Международный пакт о гражданских и политических правах (провозглашена Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966.П.3 ст.19 и ст.20) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
8. Мержоев А.М. Проблема противодействия киберпреступности в современное время // Актуальные проблемы экономики и права: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Ростов – на – Дону, 4 сентября 2020 года. – Ростов – на – Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове – на – Дону, 2020.
9. Пузикова О.И., Опарин А.Ю., Гранин Д.С. Киберпреступность как одна из основных криминальных угроз ххi века // правовое образование: сборник научных трудов, ростов-на-дону, 8 февраля 2021 года. – ростов – на – дону: ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростов – на – дону, 2021. - с.39-345.
10. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ» 08.05.2023. №19.
11. Сустина Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: Автореф. Дисс. Канд. Наук – Москва, 2023. – 15-14 с.
12. Туркулец В.А. Защита несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием сети интернет: Автореф. Дисс. Канд. Юрид. Наук – Москва, 2024. – 10 с.
13. Федеральный закон от 24 июля 1998 года №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. От 28.12.2024) // «Собрание законодательства РФ» 03.08.1998. №31.
14. Федеральный закон от 27.07.2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (в ред. От 23.11.2024) // «Собрание законодательства РФ» 31.07.2006. №31 (часть 1).
15. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 30.11.2024) // «Собрание законодательства РФ» 03.01.2011. №1.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Новикова Вероника Васильевна

студент,

Ростовский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,

Ростовский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION OF CRIMES AGAINST MINORS COMMITTED USING THE INTERNET

Veronika Novikova

Student,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Elena Voropaeva

Teacher,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье рассматривается криминологическая характеристика преступлений против несовершеннолетних, которые совер-

шаются с использованием сети Интернет. В работе анализируются основные виды преступлений, таких как кибербуллинг, онлайн-эксплуатация, распространение порнографических материалов и мошенничество. Обращается внимание на динамику и особенности причин, способствующих данному виду преступности, а также на последствия, которые она приносит для жертв.

Abstract. The article examines the criminological characteristics of crimes against minors that are committed using the Internet. The work analyzes the main types of crimes, such as cyberbullying, online exploitation, distribution of pornographic materials and fraud. Attention is drawn to the dynamics and features of the causes that contribute to this type of crime, as well as the consequences it brings to victims.

Ключевые слова: криминология, интернет-преступления, несовершеннолетние, виктимность, киберпреступность, профилактика, цифровая безопасность.

Keywords: criminology, internet crimes, minors, victimization, cybercrime, prevention, digital security.

С появлением, развитием и массовым внедрением в общественную практику компьютерной техники, основной целью которой является создание, хранение и обработка информации в электронном формате, возникли условия для формирования нового типа преступлений — компьютерных преступлений. Эти деяния включают в себя незаконный доступ к данным, их копирование, модификацию, уничтожение и другие противозаконные действия с информацией, находящейся в электронно-цифровом виде, независимо от типа носителя (флеш-карт, жесткий диск, сервер и прочее).

Так, преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации, отнесены законодателем в отдельную группу – компьютерных преступлений (гл. 28 УК РФ), посягающих на безопасное использование компьютеров, компьютерных сетей и информационную безопасность [7].

В Российской Федерации законодатель проводит четкое различие между компьютерными преступлениями и преступлениями, совершаемыми с использованием Интернет-ресурсов. Это выражается в том, что совершение преступлений с применением сети Интернет или других информационных технологических систем рассматривается как способ реализации деяния и фиксируется в Уголовном кодексе РФ в качестве квалифицирующего признака в статьях Особенной части, которые не входят в главу 28.

Рускевич Е.А. предлагает классифицировать деяния, совершаемые с использованием современных технологий, на компьютерные (в соответствии с гл. 28 УК РФ) и «компьютеризированные» преступления, т.е. общественно опасные деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом общественные отношения, опосредуемые информационно-коммуникационной инфраструктурой, либо совершаемые посредством информационно-коммуникационных технологий [5].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 декабря 2022 года также проводит разграничение между «компьютерными преступлениями» и «преступлениями, совершаемыми с использованием электронных систем и ИТС, включая сеть Интернет». Тем не менее, в настоящее время оба эти типа преступлений все еще рассматриваются в рамках одной обширной категории — преступлений в области компьютерной информации и преступлений, совершенных с использованием ИТС. На наш взгляд, их было бы целесообразно объединить под общим термином «киберпреступления» [4].

Данную точку зрения подтверждает тот факт, что в официальных отчетах Главного информационно-аналитического центра МВД России преступления против компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием ИТС, категоризованы в одну группу. Для обобщения статистических данных по данным категориям преступлений применяется термин «киберпреступность» [6].

Соответственно понятия «компьютерные преступления» и «преступления, совершаемые с использованием ИТС, включая сеть Интернет» следует считать составной частью более широкого понятия — «киберпреступления».

Киберпреступлениями следует считать все преступления в сфере информационных технологий — совершаемые с использованием компьютерных сетей и средств или против них либо совершаемые в виртуальном пространстве. Такой позиции придерживаются Л.А. Букалерева и А.В. Остроушко [1].

С учетом вышеизложенного, необходимо рассматривать киберпреступление как преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий и сетей (определенные составы, предусмотренные Особенной частью УК РФ, для которых использование ИТС является обязательным признаком объективной стороны), а также преступления в области компьютерной информации (глава 28 УК РФ).

Обязательным признаком объективной стороны киберпреступления является использование интернет-СМИ (таких как официальные каналы на видеохостингах YouTube или RuTube, сайты информацион-

ных агентств, ресурсы телерадиокомпаний с онлайн-вещанием, новостные агрегаторы) или информационно-технологических систем (например, социальных сетей, форумов, подкаст-сервисов и других).

Переходя к характеристике преступлений против несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет, необходимо в первую очередь рассмотреть деяния, посягающие на права и интересы несовершеннолетних.

В российском уголовном праве преступления против несовершеннолетних объединены в главе 20 УК РФ, которая посвящена преступлениям против семьи и несовершеннолетних. В качестве видового объекта этих преступлений рассматриваются общественные отношения, направленные на обеспечение нормального психического и физического развития, а также нравственного воспитания несовершеннолетних.

Приоритет защиты несовершеннолетних, а также их прав, свобод и законных интересов подтверждается последовательной государственной политикой в этой области, что видно по большому количеству законов и подзаконных актов как федерального, так и регионального уровней. Права и законные интересы несовершеннолетних выделены в качестве отдельных объектов регулирования и защиты в Гражданском, Административном и Уголовном кодексах [2].

Кроме того, функционирует ряд специальных правовых актов в данной области, таких как Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [10], Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [8], Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [9].

Под интересами несовершеннолетних понимается элемент правового статуса личности, который сосуществует с правами, свободами и обязанностями. Согласимся с мнением Ю.В. Николаевой, которая определяет правовой статус несовершеннолетнего как «совокупность прав, свобод и обязательств, признаваемых и гарантируемых государством в законодательном порядке, а также законных интересов лица, не достигшего 18-летнего возраста».

Кроме специальной главы, посвященной защите несовершеннолетних, в других главах Особенной части УК РФ также присутствует ряд деяний, относящихся к данной категории (например, статьи 110–1101 УК РФ – против жизни, статьи 230, 240–242 УК РФ – против общественной нравственности и здоровья населения и др.).

Это связано с тем, что интересы несовершеннолетних в этих со-

ставах преступлений выступают в качестве дополнительного объекта защиты. Важно учитывать криминологический подход к определению потерпевшего как лица, которому преступлением был причинен физический, моральный, экономический или иной ущерб.

Как справедливо замечает Ю.В. Николаева, при квалификации любого преступления, совершенного против несовершеннолетнего, сам несовершеннолетний должен рассматриваться как потерпевший. Однако с точки зрения уголовного права не каждое преступление, потерпевшим от которого является несовершеннолетний, по своей сути относится к преступлениям против несовершеннолетних. [3]

Обобщая разные взгляды ученых, преступления против несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет, следует разделить на четыре группы в зависимости от объекта преступного посягательства – отдельных прав и законных интересов несовершеннолетних, на которые посягает субъект.

Первая группа - преступления, посягающие на жизнь и здоровье несовершеннолетних, к ним относятся наиболее тяжкие интернет-преступления, посягающие на основные права несовершеннолетнего – его жизнь и здоровье, что включает в себя:

- Доведение до самоубийства несовершеннолетнего (ст. 110 УК РФ), т.е. создание с использованием социальных сетей негативного психического или психологического воздействия на несовершеннолетнего посредством постоянных угроз, оскорбления его личности, распространения порочащей информации, которая может стать основанием для травли и социальной изоляции.

- Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) путем предоставления информации о способах совершения самоубийства или подстрекательства к его совершению в онлайн-сообществах.

- Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), например, употребление алкоголя или наркотиков, путем пропаганды в интернете асоциального образа жизни.

Вторая группа - преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних, соответственно, это преступления, направленные на сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних и нарушение их половой неприкосновенности:

- Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), в том числе их распространение через интернет.

- Совершение развратных действий в отношении лица,

не достигшего шестнадцатилетнего возраста (ст. 135 УК РФ) путем переписки, видеозвонков или иных форм онлайн-коммуникации.

- Сексуальное использование несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ) путем вовлечения его в онлайн-трансляции, чаты или иные формы платной сексуальной деятельности.

- Склонение несовершеннолетнего к половому сношению, мужеложству или лесбиянству (ст. 134 УК РФ) через интернет.

Третья группа - преступления, посягающие на честь, достоинство и свободу несовершеннолетних, объединяет преступления, направленные на унижение личности несовершеннолетнего, ограничение его свободы и нарушение его прав:

- Клевета в отношении несовершеннолетнего (ст. 128.1 УК РФ), распространяемая в интернете.

- Оскорбление несовершеннолетнего (ст. 5.61 КоАП РФ), выраженное в неприличной или унижительной форме, совершенное в сети Интернет.

Четвертая группа - преступления, посягающие на имущественные права несовершеннолетних, данные преступления, направлены на завладение имуществом несовершеннолетних или причинение им имущественного ущерба:

- Мошенничество в отношении несовершеннолетнего (ст. 159 УК РФ) с использованием сети Интернет, например, выманивание денег под предлогом участия в конкурсе или получения приза.

- Кража денежных средств с банковской карты несовершеннолетнего (ст. 158 УК РФ) путем фишинга или получения доступа к его учетной записи в онлайн-банке.

В заключение следует подчеркнуть, что эффективность предупреждения преступлений против несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет, напрямую зависит от раннего выявления угроз и оперативного реагирования на них. Ключевыми направлениями работы являются: развитие кибер-грамотности как у самих несовершеннолетних, так и у их родителей и педагогов; создание надежных механизмов мониторинга и фильтрации нежелательного контента; совершенствование системы обмена информацией между правоохранительными органами и IT-компаниями; и, конечно, формирование у несовершеннолетних критического мышления и навыков защиты от кибербуллинга, мошенничества и иных форм интернет-угроз. Только совместными усилиями государства, общества и семьи мы сможем создать безопасное и благоприятное цифровое окружение для подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Букалерева Л.А., Остроушко А.В., Криз О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 6. Вып. 1. С. 19
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
3. Николаева Ю.В. Дифференциация ответственности за посяательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 66 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Рускевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 52 с.
6. Состояние преступности за 2023–2025 годы // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения 10.03.2025)
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
8. Федеральный закон от 24 июля 1998 года №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ 03.08.1998. №31.
9. Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ 28.06.1999 №26 ст.3177
10. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства РФ 03.01.2011. №1.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ»: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Черников Дмитрий Порфирьевич

аспирант

*НОЧУ ВО Московского финансово-промышленного университета
«Синергия»,
РФ, г. Москва*

INTERNATIONAL APPROACHES TO REGULATING CRYPTOCURRENCIES: EXPERIENCE FOR RUSSIA

Dmitry Chernikov

Postgraduate Student,

*Non-State Educational Private Institution
of Higher Education «Synergy University»
Russia, Moscow*

Аннотация. Развитие цифровых технологий и стремительное расширение практики использования криптовалют как экономического и правового явления вызвали острую необходимость в формировании целостной правовой модели регулирования цифровых активов. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон №259-ФЗ) стал первым шагом в правовом регулировании цифровых активов в российском праве.

Однако, как показал анализ его применения, данный закон не только не решил системных вопросов, связанных с оборотом криптовалют, но и породил ряд новых правовых неопределённостей. Вопрос о соотношении цифровых финансовых активов и криптовалют, правовая квалификация последних, а также пределы допустимого регулирования остаются дискуссионными и требуют комплексного научного осмысления.

Статья направлена на анализ проблем и перспектив развития правового регулирования в рамках действия Закона № 259-ФЗ и является основой для разработки соответствующего параграфа диссертационного исследования на соискание учёной степени доктора юридических наук.

Целью исследования является проведение правового анализа не-

которых положений Закона № 259-ФЗ с позиций их применимости и достаточности для регулирования цифровых активов, в том числе криптовалют, а также выявление внутренних противоречий, теоретико-правовых пробелов и перспектив законодательного развития в рамках формирования единой правовой конструкции криптоэкономики в России.

В исследовании применены методы формально-юридического и системно-структурного анализа, сравнительно-правовой и логико-догматический подходы, а также элементы критико-аналитического и герменевтического метода.

В результате исследования установлено, что Закон № 259-ФЗ, закрепив базовую терминологию и правовые категории в области цифровых активов, оказался концептуально и системно недостаточным для создания устойчивого механизма правового регулирования криптовалют. Закон характеризуется терминологической неоднозначностью, неопределённым статусом цифровой валюты, отсутствием правовых конструкций, соотносимых с децентрализованными активами.

Проведённый анализ позволил выделить три уровня проблематики регулирования: понятийный, институциональный и процедурный.

По результатам исследования автор приходит к выводу, что для формирования эффективного правового режима в сфере криптовалют необходимо концептуальное разграничение понятий «цифровые финансовые активы» и «криптовалюта», внесение изменений в действующее законодательство с учётом технологической специфики криптоактивов, а также формирование единого подхода к их квалификации в рамках гражданского права. Закон № 259-ФЗ должен рассматриваться как начальный, но не завершающий этап становления российской модели регулирования цифровой экономики.

Abstract. The development of digital technologies and the rapid expansion of the use of cryptocurrencies as both an economic and legal phenomenon have created an urgent need to establish a comprehensive legal framework for the regulation of digital assets. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” marked the first step toward the legal regulation of digital assets in Russian law. However, as its practical application has demonstrated, the law has not resolved systemic issues related to the circulation of cryptocurrencies and has given rise to a number of new legal uncertainties. The relationship between digital financial assets and cryptocurrencies, the legal classification of the latter, and the permissible scope of regulatory intervention remain contentious and require thorough academic analysis. This article focuses on the analysis of the challenges and prospects for the development of legal regu-

lation under Law No. 259-FZ and serves as a foundation for a section of a doctoral dissertation in legal sciences.

The objective of this study is to conduct a legal analysis of selected provisions of Law No. 259-FZ from the perspective of their applicability and adequacy in regulating digital assets, including cryptocurrencies, and to identify internal contradictions, theoretical and legal gaps, and directions for legislative development in the process of constructing a unified legal framework for the cryptoeconomy in Russia.

The study employs formal legal and system-structural analysis, comparative legal and logical-dogmatic approaches, as well as elements of critical-analytical and hermeneutic methodology.

The results of the research show that although Law No. 259-FZ establishes basic terminology and legal categories in the field of digital assets, it is conceptually and structurally insufficient for building a stable legal mechanism for the regulation of cryptocurrencies. The law is characterized by terminological ambiguity, the undefined status of digital currency, and the absence of legal constructs adequate to decentralized assets. The conducted analysis has made it possible to identify three levels of regulatory deficiency: conceptual, institutional, and procedural.

Based on the findings, the author concludes that the formation of an effective legal regime in the field of cryptocurrencies requires a conceptual differentiation between “digital financial assets” and “cryptocurrency,” amendments to the current legislation taking into account the technological specificities of crypto-assets, and the development of a unified approach to their classification within the framework of civil law. Law No. 259-FZ should be regarded as an initial but not final stage in the development of the Russian model for regulating the digital economy.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; криптовалюта; цифровая валюта; правовое регулирование; децентрализация; распределённый реестр; правовой режим; цифровизация экономики; Гражданский кодекс РФ; Федеральный закон № 259-ФЗ.

Keywords: digital financial assets; cryptocurrency; digital currency; legal regulation; decentralization; distributed registry; legal regime; digitalization of the economy; Civil Code of the Russian Federation; Federal Law No. 259-FZ.

Введение

Правовое регулирование криптовалют как особой категории цифровых активов представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных задач современной юридической науки.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, включая блокчейн, смарт-контракты и децентрализованные сети, национальные правовые системы вынуждены вырабатывать механизмы адаптации и трансформации классических правовых категорий.

Одним из первых шагов по формированию правовой основы для регулирования отношений, возникающих в условиях становления криптоэкономики, стало принятие в Российской Федерации Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ). [5]

Данный закон впервые в отечественной правовой системе закрепил понятия цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты, однако его положения вызвали неоднозначную реакцию как в науке, так и в правоприменительной практике.

Закон № 259-ФЗ не содержит прямого регулирования криптовалют в их технологически независимом, децентрализованном виде, что привело к созданию формально определённой, но содержательно фрагментарной модели регулирования.

В результате на практике наблюдается смешение понятий ЦФА, цифровой валюты и криптовалюты, что препятствует формированию чёткой правовой конструкции и ведёт к рискам правовой неопределённости. Вместе с тем, Закон № 259-ФЗ может рассматриваться как точка входа в правовую архитектуру цифровой экономики, определяющая возможные направления совершенствования законодательства в области криптовалютного регулирования. Исследование посвящено анализу нормативной конструкции и пределов правового регулирования, закреплённого в Законе № 259-ФЗ, с учётом необходимости выработки системного и научно выверенного подхода к криптовалютам в российской правовой системе.

Основная часть

Вступление в силу Закона № 259-ФЗ в 2021 году ознаменовало собой начало нормативного оформления российской модели регулирования цифровых активов. Закон сформировал базовые категории – цифровые финансовые активы и цифровая валюта, тем самым отразив стремление законодателя к интеграции новых финансово-правовых реалий в существующую правовую систему. Однако с момента вступления в силу закона научное сообщество и правоприменители указывают на сохраняющуюся правовую фрагментарность, затрудняющую не только его однозначное толкование, но и эффективную реализацию в условиях развития криптовалютных технологий.

Закон № 259-ФЗ в своей текущей редакции нередко критикуется за технико-ориентированный подход, при котором внимание уделяется описанию технологических процессов, а не юридическому содержанию правоотношений. Так, Доцатов А.А. отмечает, что закон «облекает в правовую форму неюридические по сути категории», превращаясь в «технологический регламент, отражающий “дань моде”». [2] Такие обстоятельства затрудняет полноформатное включение в закон ключевых юридических характеристик криптовалют, включая их децентрализованную природу, трансграничность и специфику гражданско-правового оборота.

Тем не менее, одним из ключевых достижений закона следует признать легитимацию цифровых финансовых активов как разновидности цифровых прав, регулируемых в рамках гражданского оборота.

Это позволило участникам экономических отношений использовать новые формы инструментов, основанных на технологии распределенного реестра, в том числе для привлечения инвестиций и токенизации имущественных прав. Вместе с тем концепция ЦФА, зафиксированная в законе, предполагает наличие ответственного эмитента или оператора, что принципиально отличает данные активы от криптовалют, функционирующих в децентрализованных сетях без эмиссионного центра и без наличия обязательства со стороны конкретного лица. Как подчёркивает Арманд Я.А., в отличие от криптовалют, ЦФА «не могут использоваться для оплаты товаров и услуг и являются по сути аналогами существующих финансовых инструментов, таких как акции, облигации, займы». [1]

Именно в этом аспекте обнаруживается один из фундаментальных пробелов нормативного регулирования. Законодателем предпринята попытка включить цифровую валюту в сферу правового регулирования, однако её определение в Законе № 259-ФЗ фактически охватывает лишь технологическую оболочку криптовалют, не предлагая ясной классификации в рамках гражданско-правовой системы.

Как верно подчёркивает Тагиев Г.Х., это привело к терминологическому хаосу, в котором категории «цифровая валюта», «цифровой актив» и «криптовалюта» используются как взаимозаменяемые, что противоречит как научному подходу, так и требованиям правовой определённости. [4]

Дополнительное затруднение вызывает неопределённость правового режима криптовалют в связи с запретом их использования в качестве средства платежа на территории Российской Федерации. Согласно позиции Банка России, отражённой в докладе 2022 года «Криптовалюты: тренды, риски, меры», цифровая валюта, не обеспе-

ченная национальной денежной единицей, рассматривается как потенциальная угроза финансовой стабильности, а её распространение – как вызов публично-правовому суверенитету. [3]

Вследствие этого, несмотря на признание криптовалют как цифровых данных, способных быть принятыми в качестве платежа, правовая конструкция, позволяющая интеграцию криптовалют в гражданский оборот, в законодательстве отсутствует. Данное обстоятельство вступает в противоречие с реальными социально-экономическими практиками, в которых криптовалюты давно уже функционируют как квазивалюта, инвестиционный инструмент и средство расчетов.

Текущее регулирование в большей степени ориентировано на предотвращение рисков, чем на создание правовой инфраструктуры для цивилизованного и контролируемого оборота криптоактивов. Такой подход, несомненно, объясняется необходимостью защиты публичных интересов и борьбы с преступным использованием цифровых валют, однако чрезмерно ограничительный подход в регулировании сдерживает развитие внутреннего рынка криптотехнологий, в том числе в сферах финансовых технологий, токенизации и децентрализованных платформ.

На практике остаются нерешёнными вопросы, касающиеся гражданско-правового статуса участников оборота цифровых активов, особенно в ситуациях, когда речь идёт о владении и использовании децентрализованных криптовалют, не подпадающих под российскую юрисдикцию, в рамках международных P2P-сделок с участием российских граждан. Закон № 259-ФЗ, закрепляя категорию «цифровая валюта», не формирует целостного правового режима для криптовалют как самостоятельных объектов гражданских прав, не регулирует правовое положение их владельцев и участников соответствующих сделок. Это обстоятельство порождает неопределённость в вопросах применения норм об ответственности, правовой защите, а также затрудняет квалификацию сделок. В результате возникает необходимость в системной увязке положений о цифровых правах с конструкциями обязательственного и вещного права, что в настоящее время остаётся предметом преимущественно научной проработки и доктринальных предложений.

Следует отметить, что разработка Закона № 259-ФЗ опирается преимущественно на конструкцию централизованного регулирования, в то время как криптовалюты по своей природе являются децентрализованными, трансграничными и самоорганизующимися явлениями. Это предполагает необходимость переосмысления категории «государственный контроль» в цифровой экономике и поиска баланса меж-

ду публично-правовыми и частноправовыми началами.

При этом важно учесть международный опыт, в том числе подходы ЕС, США, Японии и Сингапура, где осуществляется нормативное разграничение между видами цифровых активов в зависимости от их функционального назначения (средство обмена, инвестиционный актив, утилитарный токен и т.д.).

Таким образом, Закон № 259-ФЗ, несмотря на определённые позитивные изменения в части признания цифровых финансовых инструментов, пока не создал целостную нормативную архитектуру для регулирования криптовалют как самостоятельного юридического феномена.

Его положения должны рассматриваться как необходимый, но промежуточный этап, требующий дальнейшего развития концептуального аппарата и адаптации законодательства к быстро меняющимся реалиям цифровой экономики.

Научная и законодательная задача ближайших лет – выработка дифференцированного подхода к регулированию цифровых активов, основанного на их правовой природе и функциональной роли в обороте.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что Федеральный закон № 259-ФЗ сыграл важную роль в формализации отдельных элементов цифровой экономики в российской правовой системе. Признание цифровых финансовых активов и цифровой валюты как правовых категорий стало значимым шагом на пути интеграции новых цифровых явлений в правовой оборот. Вместе с тем, его положения в полной мере не охватывают многообразие правовых отношений, складывающихся в сфере оборота криптовалют.

Законодательная конструкция, ориентированная на централизованные цифровые активы, не адаптирована к особенностям децентрализованных криптовалют, что порождает как теоретические, так и практические затруднения. Терминологическая неоднородность, отсутствие чёткого правового статуса криптовалют, как особого нематериального имущественного объекта, ограниченность сферы их допустимого использования и неразработанность механизмов юридической ответственности создают препятствия для правовой определённости и стабильности регулирования.

В целях повышения эффективности правового регулирования цифровых активов в целом и криптовалют в частности, целесообразно:

1. Провести систематизацию понятийного аппарата, с чётким разграничением цифровых финансовых активов, цифровой валюты, криптовалют и иных существующих нематериальных имущественных акти-

вов, с учётом их функциональных и технологических характеристик.

2. Разработать отдельные положения гражданского законодательства, определяющие правовой режим криптовалют как объектов гражданских прав с акцентом на их оборотоспособность, правомерность сделок и защиту прав участников.

3. Включить в нормативную конструкцию гибкие механизмы регулирования на основе экспериментальных правовых режимов (песочниц) не только в рамках внешнеэкономических сделок, но и, например, для отдельных субъектов или для определенных секторов экономики.

В научном плане необходима дальнейшая разработка доктрины цифровых активов в структуре гражданского права, с особым вниманием к правовой природе криптовалют как *sui generis* явления.

Список литературы:

1. Арманд, Я. А. Правовое регулирование цифровых валют в Российской Федерации / Я. А. Арманд // Закон и власть. – 2024. – № 5. С. 61-64. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/gmdaуp> (дата обращения: 05.04.2025)
2. Дощатов, А. А. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах»: критический обзор / А. А. Дощатов // Внешнеэкономическая деятельность в постковидный период : сборник научных статей, Москва, 18 февраля 2021 года / Под общей редакцией Л.А. Леваевой. Том Выпуск 78. – Москва: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2021. С. 144-148. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/gyqspj> (дата обращения: 05.04.2025)
3. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций Банка России. 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf. (дата обращения: 03.04.2025).
4. Тагиев, Г. Х. Федеральный закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте: терминологическая проблематика / Г. Х. Тагиев // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 3-1. С. 76-80. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/apdyld> (дата обращения: 07.04.2025)
5. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 04.04.2025).

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВА**

Чишеева Алсу Рушановна

студент,

Ростовский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,

Ростовский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Ростов-на-Дону

**PRIORITY AREAS FOR IMPROVING THE NATIONAL
SYSTEM OF LEGAL SUPPORT FOR THE INFORMATION
SECURITY OF MINORS IN THE CONTEXT OF THE
DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY**

Alsu Chisheeva

Student,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Elena Voropaeva

Teacher,

Rostov Institute (branch)

All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности реализации права несовершеннолетних пользователей на доступ в Интернет и ограничения, обусловленные необходимостью их защиты. Исследование возможности правового регулирования, направленного на обеспечение интересов ребенка с учетом необходимости его всестороннего развития в цифровую эпоху.

Abstract. This article examines the specifics of implementing the right of minor users to access the Internet and restrictions caused by the need to protect them. A study of the possibility of legal regulation aimed at ensuring the interests of the child, taking into account the need for his or her comprehensive development in the digital age.

Ключевые слова: информационное общество, информационное пространство, информационная безопасность, информационная среда, информационная культура.

Keywords: information society, information space, information security, information environment, information culture.

В условиях развития информационного общества, учитывая изменения, внесенные в нашу жизнь пандемией коронавирусной инфекции, специальной военной операцией и санкционной политикой, реализацией прав детей на информацию и обеспечение их информационной безопасности, защита от информации, наносящей вред их здоровью и развитию, является актуальной и одной из главных стратегических задач государства. При этом представляют научный интерес сами несовершеннолетние как субъекты информационных отношений с учетом специфических особенностей их прав, содержания и правового регулирования [7, с. 3].

По данным Министерства здравоохранения, наблюдается рост заболеваемости детей и подростков психическими расстройствами и расстройствами поведения, в том числе связанными с употреблением психоактивных веществ. Видна связь статистических показателей с влиянием информационной среды, способствующим копированию девиации и клишированию поведения. [3, с. 4] Опасность потокового принципа потребления информации продемонстрировала периодом вынужденной самоизоляции. Непрерывное взаимодействие с медиасигналом, в том числе в целях релевантных основной деятельности – образованию, ведет к различным заболеваниям и психическим расстройствам у школьников. Все это подчеркивает важность комплексного подхода к информационной безопасности детей, учитывающего как качество, так и количество потребляемой информации.

Нестабильность эмоциональной сферы и низкий уровень критичности восприятия и обработки информационного потока детьми и подростками свидетельствуют о том, что именно дети и подростки находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет - манипуляций с последующим вовлечением в деструктивную деятельность [6, с. 2].

Впервые проблема информационной безопасности в Российской Федерации была поднята в связи с принятием законов о правовой защите компьютерных программ в 1992 году.

В ряде законов Российской Федерации содержатся определения терминов «информация» и «информационная безопасность». Федеральный закон от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информацию как информацию (сообщения, данные) независимо от формы их представления (ст. 2) [10]. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации понятие «информационная безопасность» трактуется как состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, определяемое совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Нормативные акты, касающиеся информационной безопасности детей, конкретизируют данное понятие применительно к соответствующим отношениям. Так, в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [11], информационная безопасность детей трактуется как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с информацией, причиняющей вред их здоровью и (или) физическому и психическому развитию.

Для повышения эффективности защиты детей в Интернете правительством рассматриваются три основных проблемы:

- Управление сложностью политики за счет усиления координации, последовательности и согласованности политики;
- Принятие основанного на фактических данных подхода к разработке политики;
- Использование преимуществ международного сотрудничества для повышения эффективности национальных политических рамок и содействия наращиванию потенциала [8].

Для того чтобы политика по защите детей в Интернете эффективно функционировала как совокупность ее составляющих, правительству, с одной стороны, следует повышать согласованность своих политических мер и инструментов в сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами, а другой – следить чтобы она гармонично

сочеталась с другими целями, такими как соблюдение основных прав и поддержание открытой, инновационной и экономически выгодной интернет-среды. Например, государственно-частное партнерство стало успешным способом поощрения саморегулирования и совместного регулирования.

Несовершеннолетние являются самостоятельными субъектами информационно – правовых отношений, и состояние их защищенности определено защитой от вызовов и угроз информационного пространства, а также повышенной чувствительностью к воздействию информационных технологий и необходимостью защиты от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

В связи с этим ввиду агрессивного информационного пространства в настоящее время необходимо обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних, что требует развития системы правового обеспечения информационной безопасности.

По словам Президента России В. В. Путина, содержание виртуального, цифрового пространства имеет важнейшее значение и для благополучия, и для безопасности наших детей, в этой сфере они должны быть надежно защищены. И очевидно, что усилий государства, только законов и только нормативных актов уже недостаточно. Принципиально важно, чтобы общество, сам бизнес занимали активную позицию и понимали свою роль и ответственность.

Формирование информационной культуры несовершеннолетних предусматривает обучение правовым знаниям и навыкам правовой грамотности, разъяснение прав в информационной сфере, а также правовое просвещение в сфере информационной безопасности [1, с. 25].

Одной из ключевых задач, определенных в распоряжении Правительства РФ от 22.12.2022 № 4088-р «О Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ», является обучение гражданина умениям противостоять угрозам информационной безопасности в режиме реального времени [5, с. 3].

Поскольку безопасность в общем виде представляется состоянием защищенности объекта от угроз и патогенных изменений, то обеспечение этого состояния, его реализация, означает воздействие на риск таких изменений, иными словами, управление вероятностью угроз. Анализ динамики трансформаций информационной сферы представляет собой не что иное, как расчет рисков получения вреда. Поэтому именно в рамках рискологического направления возможно осмысление проблемы управления информационной безопасностью детей [4, с. 47].

Также Президент РФ считает важным, чтобы "онлайн - простран-

ство было наполнено позитивным, просветительским материалом". "Конечно, эти материалы должны быть, прежде всего, полезными и интересными, - добавил он. - Здесь нужно действовать только сообща, привлекать к созданию креативных решений ведущие образовательные центры и просветительские платформы, сообщества педагогов, родителей, молодые творческие команды, учитывать опыт уполномоченных по правам ребенка, ресурсы волонтерских и молодежных объединений".

По мнению Сусиной Т. И., «стратегии снижения рисков должны учитывать множество факторов, влияющих на опыт и деятельность детей в Интернете: распространение интернет - технологий или социально - экономическое положение домашних хозяйств нашей страны, мест, в которых дети чаще всего получают доступ в Интернет и устройства, которые они используют. Например, с распространением смартфонов и других средств доступа в Интернет, повсеместный доступ в Интернет возрастает как среди детей, так и среди взрослых».

Задачей родителей является воспитание культуры безопасного использования интернета и внедрение детям защиты от рисков в сети Интернет. Важную роль в процессе просвещения детей по защите в интернет - платформе играет родительский контроль, осуществимый через специальные программы, ограничивающие доступ к неподобающему материалу. Одновременно с этим, необходимо предоставить детям возможность пользоваться верифицированными и полезными материалами для развития и образования.

В действующем контексте для защиты национальных интересов России, важно формировать у граждан культуру информационной безопасности. Это позволит сформировать доверие при взаимодействии с цифровыми платформами.

Следует уделить особое внимание информационной осведомленности детей. При применении методов ее формирования, следует учитывать риски и угрозы в цифровом пространстве. Важно развивать у подрастающего поколения способность противостоять негативному влиянию информационных процессов. [8]

Образовательные учреждения должны внедрять программы, направленные на формирование у детей понимания принципов безопасности в сети Интернет. Это позволит обучающиеся более осознанно подходить к потреблению информации. Важно, во-первых, развивать у подрастающего поколения способность противостоять негативному влиянию информационных процессов; во-вторых, чтобы восприятие молодежью новых технологических решений происходило на основе ценностей, выработанных человечеством, на фундаментальной, гуманистической основе. Именно молодое поколение есть веду-

щее звено, от их гражданских, нравственных ориентиров и ценностей зависит судьба мира [2].

Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 [9] 2018–2027 годы в Российской Федерации объявлены Десятилетием детства. Принимая во внимание, что «ребенок в силу своей физической и психической незрелости нуждается в особой защите и заботе», можно с уверенностью утверждать, что около 23 % населения России нуждается в особой защите и помощи. В связи с этим возникает необходимость определить эффективность мер и механизмов регулирования потребления информации, установленных законодательством в целях обеспечения безопасности детей, определить необходимость применения этих мер через призму прав ребенка, в том числе права на доступ к информации.

В целях организации социального контроля, уточнения и проверки правильности знака информационной продукции, присвоенной производителем или распространителем, наличия или отсутствия в ней информации, запрещенной или ограниченной для распространения среди детей, вводится специальная экспертиза информационной продукции, осуществляемая лицами, аккредитованными в качестве экспертов.

Экспертиза осуществляется на коммерческой основе при заключении гражданско-правового договора между заказчиком и экспертом, что подчеркивает ее частный характер. При этом важно отметить, что действие данного закона исключены из рекламы, научно - технической информации и информации, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества.

С позиций социолого-управленческого подхода интересно соответствие законодательно установленных принципов регулирования природе и этапам коммуникационного акта. Так, законом регулируется лишь часть коммуникативной цепи – трансляция сигнала, а сфера потребления, включающая поведение детей и ответственных за них лиц, и опосредующие его факторы не охватывается. Иными словами, действие социального института юридической ответственности ограничено лишь стадиями распространения информации и организацией доступа к ней. Объектом регулирования выступают отношения, связанные с оборотом информационной продукции. В качестве субъекта управления выступает государственный аппарат, дополняемый институтом экспертизы, служащим для научного обоснования решений. Задача обеспечения информационной безопасности детей, таким образом, преобразуется в задачу организации «недоступности» опасного контента.

Исследование методов регулирования цифрового пространства за пределами территории Российской Федерации, направленные

на защиту несовершеннолетних, как правило, часто ограничивается перечислением средств, технологий и процессов, используемых различными государствами для контроля над распространением информации. Следует понимать, что обеспечение защиты детей от неприемлемого контента является частным случаем регулирования медиа как социальной практики, а фильтрация содержимого в сети Интернет представляет собой один из методов, направленных на защиту детей.

Стоит отметить, что новые медиа, особенно социальные сети, решительным образом нивелируют значение профессиональных качеств журналиста как создателя медиатекста в общедоступном медиапространстве и девальвируют профессионализм как фактор типологизации регулирования медиасреды. Концепции регулирования информационной среды, предполагающие саморегулирование медиа и сорегулирование, утрачивают свою обоснованность именно в связи с феноменом исчезновения и деградации журналистики, а вместе с ней и её задачи «патронирования культурного плюрализма». Функционирование медиаиндустрии в «бизнес - режиме» ориентирует её в направлении удовлетворения спроса на девиантный и обценный контент как высокодоходный. Коммерциализация организации и функционирования медиа обостряет конфликт интересов социальных групп [4].

Таким образом, влияние возраста на результаты взаимодействия человека с информацией подчеркивает важность выделения детской тематики в вопросах информационной безопасности. Это связано с потребностью в обеспечении стабильности социального устройства в ситуации, когда контроль со стороны государства ослабевает. Задачи, касающиеся информационной безопасности для детей, имеют свои уникальные черты, обусловленные спецификой их мотивации. В частности, поведение детей в значительной мере зависит от конкретных ситуаций, а также их импульсивности. Также их мотивы быстро возникают и реализуются под воздействием ближайших факторов – как внутренних переживаний, так и непосредственно окружающей обстановки, а также ближайших намерений.

Существенным является официальное признание публичного значения состояния защищенности каждого ребенка, а также гарантия такой защиты для любого ребенка, требующая устранение монопольного контроля и деприватизацию принятия решений в сфере защиты детей от неблагоприятной информации.

Список литературы:

1. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Ценностные изменения развития информационного права России // Правовое государство: теория и практика. № 2 (72). 2023. С. 53-59.
2. Полякова Т.А., Троян Н.А. Образование и культура информационной безопасности граждан Российской Федерации: научно-правовые аспекты // Образование и право. 2023. №3. С. 310-317.
3. Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей: Автореф. дисс. ... доктор социол. наук. — Нижний Новгород, 2022. — 35 с.
4. Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей: теория и практика// Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, (1 (49)). 2018. С. 62-67.
5. Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2022 № 4088-р «О Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 23.12.2022 г.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 N 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 N 2471-р» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 05.05.2023 г.
7. Сустина Т.И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: Автореф. дисс. ... канд. юридич. наук. — Москва, 2023. — 28 с.
8. Сустина, Т. И. Информационная безопасность детей: особенности правового регулирования // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 248-251.
9. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 29.05.2017 г.
10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (в ред. от 23.11.2024) // Российская газета. 29.07.2006 N 165.
11. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" (в ред. от 30.11.2024) // Российская газета. 31.12.2010 N 297.

5.3. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Андреенков Денис Викторович

*магистрант,
ФГБОУ ВО Донецкая академия управления и государственной
службы,
РФ, Донецкая Народная Республика, г. Донецк*

THE ROLE OF THE STATE IN THE SYSTEM OF SOCIAL PARTNERSHIP IN RAILWAY TRANSPORT

Denis Andreenkov

*Graduate student,
Donetsk Academy of Management and Public Service,
Russia, Donetsk People's Republic, Donetsk*

Аннотация. В статье рассмотрена роль государства в системе социального партнерства; выявлены особенности российской модели социального партнерства; рассмотрена система социального партнерства на отраслевом уровне (железнодорожном транспорте).

Abstract. The article examines the role of the state in the system of social partnership; identifies the features of the Russian model of social partnership; examines the system of social partnership at the sectoral level (railway transport).

Ключевые слова: социальное партнерство, государство, работник, работодатель, отраслевое соглашение, Генеральное соглашение, ЖЕЛДОРТРАНС.

Keywords: social partnership, state, employee, employer, industry agreement, General agreement, ZHELDORTTRANS.

Актуальность темы исследования. В системе развития соци-

ального партнерства важнейшая роль принадлежит государству.

Оно должно способствовать соблюдению законных интересов работников и работодателей. С одной стороны, государство выступает в роли арбитра и гаранта прав трудящихся, работодателей и их объединений, так как обладает законодательными и правоохранительными полномочиями. С другой стороны, являясь крупным работодателем, государство через органы исполнительной власти выступает в роли равноправной стороны в переговорах по урегулированию социально-трудовых отношений и заключению договоров и соглашений с другими сторонами социального партнерства.

На Российских железных дорогах, социальное партнерство складывается как трехстороннее представительство (работодатели, профсоюзы и государство). Для того чтобы исследовать состояние социального партнерства на железнодорожном транспорте необходимо охарактеризовать каждую сторону системы, особенно государство.

Цель данной статьи является раскрытие роли государства в системе социального партнерства на железнодорожном транспорте.

Изложение основного материала исследования. В России социальное партнерство складывается как трехстороннее представительство (работодатели, профсоюзы и государство) или как еще называют - модель трипартизма [4, с.29].

Одной из наиболее важных особенностей российской модели социального партнерства является превосходящая, по сравнению с другими участниками процесса становления социального партнерства, роль государства. В определенной степени это связано с историческими особенностями общественных процессов в России. Сложившаяся в стране система социального партнерства многое унаследовала из советского прошлого, когда в трудовых отношениях доминировало государство [1, с. 2631].

Можно сказать, что основополагающей формой социального партнерства в России является Генеральное соглашение, основанного на трехстороннем взаимодействии государства, профсоюзов и работодателей. Именно Генеральное соглашение составляет основу системы взаимоотношений субъектов трудового права и способствует развитию экономики, повышению качества уровня жизни людей, удовлетворению общенациональных потребностей.

В развитие Генерального соглашения бизнес и отрасли, как правило, заключают соглашения различного уровня социального партнерства. Содержание соглашений отражают специфику деятельности отрасли в зависимости от сферы регулирования, устанавливают особые условия труда и его оплаты, гарантии, компенсации работникам отрасли на различных уровнях.

Как показывает практика, в процессе социального партнерства государство выполняет следующие функции: регулирует занятость, оплату труда бюджетных организаций, устанавливает минимальный размер оплаты труда на всей территории страны, прожиточный минимум для всех категорий граждан, осуществляет налоговую политику, является арбитром в при трудовых спорах, партнером в сфере социально-трудовых отношений, помимо этого оно является инициатором и участником в процесс разработки нормативных правовых актов, регулирующие отношения между социальными партнерами [3, с.110-112].

Государство занимает особое место в системе социального партнерства на Российских железных дорогах, которое обусловлено не только регулирующей и экономической функциями. Оно также является крупнейшим работодателем, поскольку учредителем ОАО «РЖД», согласно Устава, является Российская Федерация.

Следовательно, государство играет ключевую роль в системе социального партнерства на отраслевом уровне (железнодорожном транспорте). Отраслевой уровень занимает особое положение в системе социального партнерства, поскольку предполагает представительство отраслевых организаций работников и работодателей.

Первое отраслевое соглашение 1992 года положило начало системы социального партнерства на железнодорожном транспорте в новейшей истории России. Оно дало возможность начать решать проблемы, не решаемые десятилетия. Достаточно сказать, что за 1992 году восемь раз повышалась заработная плата, а темпы ее роста составили инфляции с коэффициентом 0,7. Соглашения стали реальным механизмом решения социальных проблем и защиты интересов работников, основой новых коллективных договоров железных дорог и предприятий на железнодорожном транспорте.

За небольшой период времени через отраслевые соглашения удалось решить целый комплекс вопросов социального характера, в первую очередь повысить оплату труда, улучшить условия труда и обеспечить занятость работников, ранний выход на пенсию отдельных профессий и многое другое.

Отраслевые соглашения охватывают разные отрасли экономики, а, следовательно, предприятия различного рода деятельности, расположенные на всей территории страны. При этом отраслевые соглашения законодательно связаны с соглашениями локального уровня – коллективными договорами.

С этой целью в 2007 г. было образованно Общероссийское отраслевое объединение работодателей железнодорожного транспорта (Объединение «Желдортранс») (далее – ЖЕЛДОРТРАНС). Деятель-

ность ЖЕЛДОТРАНС в социальном партнерстве заключается в выработке основных принципов и подходов (внутренних стандартов трудовых отношений отрасли) в регулировании социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений между работниками и работодателями отрасли и направлено на обеспечение баланса интересов работодателей и работников отрасли, на поддержание социальной стабильности в трудовых коллективах, выявление и устранение возможных очагов социальной напряженности [2, с.19-29].

Для определения общих условий оплаты труда, трудовых гарантий и льгот работникам, а также права, обязанности и ответственность сторон социального партнерства ЖЕЛДОТРАНС проводит переговоры и заключает Отраслевые соглашения на железнодорожном транспорте.

Отраслевой стандарт, один из основных элементов корпоративной культуры организаций отрасли, позволяет эффективно анализировать и оценивать состояние социального партнерства на железнодорожном транспорте.

Фактически Объединение является площадкой, где формируется, представляется и отстаивается согласованная позиция своих членских организаций по различным проектам федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений, которые регулярно выносятся на обсуждение экспертного сообщества, а также на различные площадки органов власти, в части внесения изменений в Трудовой кодекс РФ и иные акты, регулирующие вопросы социально-трудовой сферы.

На постоянной основе ЖЕЛДОТРАНС представляет интересы членских организаций в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК), причем как непосредственно в рамках пленарных заседаний РТК, так и посредством системного экспертного участия представителей Объединения в деятельности основных рабочих групп РТК.

В целях развития национальной системы квалификации и внедрения ее элементов в деятельность железнодорожного транспорта в 2014 г. решением Национального совета при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям принято решение о создании Совета по профессиональным квалификациям на железнодорожном транспорте в составе представителей ОАО «РЖД», Минтранса России, Росжелдора, РОСПРОФЖЕЛ, университетских комплексов, работодателей отрасли.

Сегодня центр тяжести в вопросах социального партнерства все

больше переносится на ЖЕЛДОТРАНС, как корпоративного регулятора социально-трудовых отношений в холдинге «РЖД». Это обусловлено необходимостью выстраивания единых принципов социального партнерства во всех уже действующих и вновь создаваемых в ходе реформирования дочерних обществах ОАО «РЖД».

Взаимодействие не ограничивается исключительно федеральным уровнем. ЖЕЛДОТРАНС как сторона социального партнерства активно проводят работу с органами власти субъектов Российской Федерации, в части сфер своего ведения.

Выводы. Роль государства в системе социального партнёрства на железнодорожном транспорте РФ заключается в следующем:

- участие в подготовке и принятии законодательных и нормативных правовых актов в области социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений. Представители Объединения «Желдортранс», полномочного представителя работодателей железнодорожной отрасли, регулярно участвуют в мероприятиях федеральных органов исполнительной власти (Минтруда России, Минтранса России, Росжелдора, Роструда);
- участие в деятельности Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК). В неё входят представители общероссийских объединений профсоюзов, Правительства Российской Федерации и общероссийских объединений работодателей;
- создание Совета по профессиональным квалификациям на железнодорожном транспорте. В его состав входят представители ОАО «РЖД», Минтранса России, Росжелдора, РОСПРОФЖЕЛ, университетских комплексов и работодателей отрасли.

На сегодняшний день можно констатировать, что на железнодорожном транспорте при активном участии государства создана эффективная система социального партнерства, сформированы его основные институты и нормативно-правовая база, позволяющие вести диалог по достижению оптимального баланса интересов работников, работодателей и государства.

Список литературы:

1. Баранов Ю.В. Современный взгляд на систему социального партнерства Российской Федерации [Электронный ресурс] / Ю.В. Баранов, С.Г. Полянская // Российское предпринимательство. – 2017. – Т.18. - №18. – С.2625-2634. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/320413021_Sovremennyy_vzglad_na_sistemu_socialnogo_partnerstva_Rossijskoj_Federacii (дата обращения- 28.03.2025).

2. Публичный отчет об итогах социального партнерства Общероссийского отраслевого объединения работодателей железнодорожного транспорта за 2020 год - Официальный сайт «Желдортранс». - С.19-29. – Режим доступа: <https://www.ooorzd.ru/images/pdf/newpdf/02.12.pdf> (дата обращения - 11.10.2024).
3. Стаурский С.С. Роль государства в системе социального партнерства [Электронный ресурс] / С.С. Стаурский, Е.С. Стаурский // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». -2016. -№1. – С.110-112. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-sisteme-sotsialnogo-partnerstva-chast-1/viewer> (дата обращения - 03.05.2025).
4. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ, принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года, одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года, (ред. от 04.08.2023) // «Российская газета», №256, 31.12.2001 – [Текст электронный] – Режим доступа. - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102074279&rdk=164&&empire=> (Дата обращения 03.04.2025), с.29.

УЧЕТ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И КОНТРОЛЬ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ

Плещеева Дарья Дмитриевна

магистрант,

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского,
РФ, г. Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассматриваются способы осуществления учета рабочего времени и контроля над выполнением трудовых обязанностей с использованием электронных средств. В работе представлены основные виды автоматизированных систем контроля, отмечены их преимущества и недостатки. Статья отвечает на вопрос о том, почему учет рабочего времени рациональнее осуществлять с использованием современных технологий и в интересах работодателя, и в интересах работника.

Ключевые слова: Учет рабочего времени, контроль за выполнением трудовых обязанностей, трудовые правоотношения, права работодателя, автоматические системы учета рабочего времени.

Трудовое законодательство обязывает работодателя вести учет рабочего времени работников, что закреплено статьей 91 Трудового кодекса Российской Федерации [6]. Учет рабочего времени необходим и полезен для обеих сторон трудовых правоотношений. Для работодателя учет рабочего времени позволит отслеживать своевременность начала и окончания рабочего дня работников, контролировать частоту и продолжительность перерывов работника, и, в некоторых случаях, проверять эффективность работника в течение дня. Благодаря автоматизированным системам учета рабочего времени работодатель может выявлять систематически опаздывающих на работу лиц, факты несвоевременного возвращения с обеденного перерыва, а также нерациональное использование работником рабочего времени [1]. В свою очередь, работник также получает выгоды от использования автоматизированных систем учета рабочего времени, поскольку они предотвращают переработки, подтверждают факт нахождения работника на рабочем месте и исполнения своих обязанностей в спорных ситуациях [7].

В целом, учет рабочего времени является достаточно трудоемким процессом, который подвержен «человеческому фактору». До появления

современных технологий, позволяющих автоматизировать отдельные процессы, учет осуществлялся, преимущественно, через табель рабочего времени, который заполнялся либо самими работниками (что допускало сокрытие опозданий и ранних убытий с рабочего места), либо отдельным специальным работником, который должен был выделять рабочее время на ведение табеля, его оформление и отчетность по нему. Более того, в бумажном табеле можно учесть только время прибытия и убытия с рабочего места, но не эффективность работника в течение дня. В то же время, некоторые автоматизированные системы учета и контроля позволяют следить за эффективностью работы персонала, учитывать больничные, отгулы, командировки, отпуск, исключить опоздания, простои и использование рабочего времени не по назначению [2].

Современные автоматизированные системы учета и контроля можно классифицировать на несколько основных типов:

1. Системы видеонаблюдения, то есть, установка в рабочих помещениях видеоборудования с фиксацией изображения и звука, что позволяет отслеживать нахождение работников на рабочем месте, факт исполнения ими своих обязанностей (если сфера деятельности это позволяет), а также предотвращает правонарушения на рабочем месте. Из недостатков видеонаблюдения можно назвать невозможность отслеживать эффективность работников, чьи обязанности выполняются за персональным компьютером, сложность контроля над работниками в крупных организациях, а также потенциальное недовольство работников из-за чувства «вторжения» в личное пространство, поскольку непрерывно находиться под наблюдением действительно может быть психологически просто.

2. Система биометрии, фиксирующая момент входа и выхода работника через биометрический идентификатор (биометрия пальца, ладоней, вен, сетчатки глаза, голоса, распознавания лиц). Преимуществом системы является абсолютная точность идентификации конкретного человека и невозможность посторонним лицам попасть на его рабочее место, недостатком же выступает возможность сбоев оборудования и задержки сотрудников у оборудования (очередь на вход), а также невозможность отслеживать эффективность рабочего дня.

3. Пропускная система с использованием карт или браслетов, которая тоже лишь фиксирует момент входа и выхода с рабочего пространства, но через использование карты, что снижает точность данной технологии (картами можно поменяться с другим сотрудником, ее можно потерять или вообще отдать ее постороннему лицу). Принцип получения информации в данном случае тот же, что и при биометрии,

но установка оборудования обойдется работодателю гораздо дешевле.

4. Программные системы, которые устанавливаются на рабочие компьютеры и отслеживают время включения и выключения компьютера, а также активность пользователя в течение рабочего дня (время исполнения задач, посещение определенных веб-страниц, использование тех или иных программ). Данный способ отлично подходит для отслеживания эффективности работника, выделения сложностей при выполнении им каких-либо задач для понимания вектора совершенствования процессов, однако, может применяться только для ограниченного круга работников.

5. Системы отслеживания локации, применяемые для работников, чьи служебные обязанности связаны с постоянными перемещениями (курьеры, водители, и т.п.), которые позволяют фиксировать скорость движения и отслеживать маршрут работника. Например, тахограф, устанавливаемый на автотранспорт, может фиксировать скорость, километраж, режимы работы, отдыха водителей. Преимуществами данного вида систем являются высокая точность собираемых данных, простота использования, к недостаткам можно отнести узкую сферу применения данного вида систем.

Важно, что отслеживание деятельности и наблюдение за работниками допускается только в рабочее время и в помещениях, которые непосредственно предназначены для выполнения трудовой функции. Поэтому установка видеонаблюдения в непредназначенных для этого местах может быть признана незаконной. Например, в 2023 году в суде удовлетворили заявление работника о признании незаконным установления видеокамеры в помещении для отдыха персонала [3]. Суд отметил, что «видеонаблюдение на рабочих местах, в производственных помещениях, на территории работодателя является правомерным, если оно осуществляется только для конкретных и заранее определенных целей, связанных с исполнением работником его должностных обязанностей, при этом работники поставлены в известность о ведении видеонаблюдения и зонах видимости размещенных камер» [5]. Кроме того, работодатель не вправе контролировать использование работником личного мобильного телефона – это возможно только на основании судебного решения и уполномоченными органами. В случаях, когда работник пользуется служебным телефоном, работодатель вправе установить ограничения в его использовании.

Вообще отказаться от учета рабочего времени работодатель тоже не вправе – для индивидуальных предпринимателей, не соблюдающих правила, штраф составит от 1 до 5 тысяч рублей, а для юридических лиц штраф составит от 30 до 50 тысяч рублей (статья 5.27 КоАП РФ) [4].

Итак, рассмотренные варианты учета рабочего времени с использованием современных технологий являются предпочтительными перед классическими методами (ведение табеля, заполнение таблиц, и т.п.). Автоматизация позволяет ускорить и упростить многие процессы, быстро и точно формировать отчетность, исключает ошибки и «человеческий фактор». При этом, современные системы образуют новую проблему – соблюдение неприкосновенности частной жизни работников и защита их персональных данных от неправомерного доступа.

Список литературы:

1. Абрамов М.К., Никитин А.И., Мурыгин А.В. Автоматизация учета рабочего времени // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2021. – № 2. – С. 324–326.
2. Бегичева С.В. Автоматизированные системы учета рабочего времени сотрудников // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 9 (103). – С.12–16.
3. Видеонаблюдение в комнате отдыха персонала нарушает права работников на частную жизнь – указали суды // СПС Консультант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/legalnews/23066/> (дата обращения: 25.11.2024).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.11.2024, с изм. от 12.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1. Ст.1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 17.03.2025).
5. Определение 3-го КСОЮ от 03.07.2023 № 88-14171/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-3-go-ksoyu-ot-03-07-2023-g-88-14171-2023/> (дата обращения: 25.11.2024).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 22.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1. Ст.3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 17.03.2025).
7. Филипова И.А. Об использовании электронных средств для учета рабочего времени и контроля за выполнением трудовых обязанностей // Вопросы трудового права. – № 1. – 2019. – С. 11–15.

5.4. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Пастухов Евгений Анатольевич

аспирант,

Байкальский государственный университет,
РФ, г. Иркутск

THE DYNAMICS OF CRIME IN THE ECONOMIC SPHERE

Evgeny Pastukhov

Graduat student,

Baikal State University,
Russia, Irkutsk

Аннотация. В статье рассматривается рассматривается не только общее количество выявленных преступлений в экономической сфере, но и обуславливающие их причины, связанные с несовершенством действующего уголовного законодательства, а также формулируются предложения, способные упорядочить имеющиеся несоответствия в правовом поле и в дальнейшем прояснить истинное значение вектора противоправных деяний в рассматриваемой сфере.

Abstract. The article presents not only the total number of detected crimes in the economic sphere, but also their causes related to the imperfection of the current criminal legislation, and also formulates proposals that can streamline existing inconsistencies in the legal field and further clarify the true meaning of the vector of illegal acts in the field under consideration.

Ключевые слова: экономическая преступность; динамика экономической преступности; экономический ущерб

Keywords: economic crime; trends of economic crime; economic damage

Актуальность изучения вопроса развития преступлений в экономической сфере предопределена потребностью в исследовании правовых положений и обусловлена существенной угрозой, которую несут виновные противозаконные действия для общества и для государственного

устройства в целом.

По данным статистики в течение последних трех лет, с 2022 по 2024 годы, количество выявленных противоправных уголовно наказуемых деяний в сфере экономики составляет не более 7%. В 2022 году в сводке Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) значилось чуть более 106 тыс. деяний [4], за 2023 год статистика снизилась на 6,3% [5]. Однако общее их количество к концу 2024 года зафиксировано на отметке 105 тыс. преступлений [6]. Экономический ущерб от экономических преступлений в рассматриваемом периоде составляет свыше 600 млрд рублей ежегодно.

Регистрируется увеличение количества экономических преступлений с коррупционной составляющей – рост ежегодно – на 3,5%, а общая масса уголовно наказуемых противоправных действий, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, увеличивается на протяжении трех лет ежегодно возрастает на 11,2-11,8%. Так, в условиях санкционного давления и роста количества фрилансеров и аутсорсеров, в стране за первое полугодие 2023 года было заведено порядка 350 тысяч уголовных дел в сфере растраты чужих средств и мошенничества, что обусловило рост показателя на 15% [5], а в 2024 году уголовных дел стало на 31% больше (свыше 460 дел) [6].

Вместе с тем руководство МВД РФ склоняется к мнению, что истинные показатели по экономическим преступлениям превышают официальные цифры не менее, чем в четыре раза, а снижение общих показателей может быть обусловлено низкими темпами раскрываемости противоправных деяний органами предварительного расследования.

На наш взгляд, проблема со своевременным изобличением преступности в экономике связана с несовершенством квалификации действий преступников.

Обеспечительные нормы уголовного права, заложенные в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации [7] (далее – УК РФ), не всегда на практике приносят ожидаемые результаты из-за проблем, связанных с отсутствием специального понятийного аппарата. Например, не закреплено до настоящего времени официальное толкование экономического преступления, лиц, виновных в противоправных деяниях в экономике, терминов, касающихся субъективной стороны преступлений, как, например, в ст. 169 УК РФ отсутствует понятие состава противоправного деяния, относящегося к воспрепятствованию законной предпринимательской или иной деятельности.

Аналогичная ситуация и со ст. 172 УК РФ – незаконная банковская деятельность, которая не конкретизирует субъект посягательства.

Объективная сторона экономических преступлений требует более

конкретного изложения терминов и определений. В частности, по ст. 171.3 УК РФ (незаконное производство и оборот этилового спирта и спиртосодержащей продукции) и ст. 171.4 УК РФ, обуславливающей противоправную продажу этой продукции в розницу. В этом случае наблюдается неточность в определении оборота и розничной торговли, поэтому преступление может быть квалифицировано ошибочно [3, с. 242].

Решением обозначенной проблемы может служить дополнение УК РФ специальным понятийным аппаратом по экономическим преступлениям по аналогии с прочими кодифицированными актами. Например, введение базового понятия «экономическое преступление», акцентирует внимание на последствиях, наступающих в результате противозаконных действий. При этом следует учесть, что преступления в экономике направлены обусловлены не только причинением материального вреда, но и сопряжены с несоблюдением прав и законных интересов юридических и физических лиц.

Совершенные преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, в том числе уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с физических лиц и хозяйствующих субъектов (ст. 194 УК РФ), имеют тенденции к снижению, в том числе за 2023 год показатель уменьшился на 6% [5], а за 2024 год еще на 4,2% [6]. Однако статистические данные, на наш взгляд, не отражают истинных масштабов преступных посягательств. В числе одной из причин следует указать изменение законодателем величины крупного размера подлежащих уплате таможенных платежей с 500 тыс. до 1 млн. рублей. Такой шаг не целесообразен, поскольку увеличенный в 2 раза показатель способствует уклонению от уплаты таможенных платежей в меньшем размере и уходу от уголовного преследования. Поэтому необходимо вернуться к прежнему исчислению величины крупного размера уклонения от уплаты таможенных платежей – свыше 500 тыс. руб.

Кроме того, успехи в противодействии преступным посягательствам в сфере внешнеэкономической деятельности зависят и от вида наказания виновного лица. В судебной практике наказания зачастую не связаны с изоляцией преступника от социума. Если лишение свободы и имеет место, то лишь условное, в виде ограничения прав. Но чаще всего судами назначается штраф, максимальная величина которого не более 1 млн. рублей. Средняя величина штрафа варьирует в пределах до 150 тыс. рублей. Это обстоятельство говорит об имеющемся несоответствии избираемого судебными органами наказания степени опасности деяния для интересов социума и тяжести совершенного преступного посягательства. В связи с чем, с позиции осужденного это может рассматриваться как безнаказанность, воз-

возможность уйти от ответственности, что, в свою очередь, препятствует реализации превентивных целей уголовного наказания.

Таким образом, преступления, затрагивающие экономические отношения, содержат достаточное количество проблем с их точной квалификацией, влекущей низкую раскрываемость деяний и искажения в применении норм действующего уголовного права. Решить их возможно с помощью:

- 1) устранения «пробелов» в официальном толковании базовых терминов и понятий, относящихся к экономическим преступлениям;
- 2) четкого толкования объектов преступных посягательств;
- 3) снижением размера величины крупного размера подлежащих уплате таможенных платежей с 500 тыс. рублей;
- 4) ужесточением наказания в сторону реального лишения свободы за преступления, связанные с внешней экономической деятельностью.

Список литературы:

1. Васильев Э. А., Дьяченко Н. Н. Тенденции развития экономической преступности и особенности борьбы с ней в современной России / Э. А. Васильев, Н. Н. Дьяченко // Научный портал МВД России. – 2022. – № 4 (60). – С. 90-97.
2. Гонтарь Д. Нейросети и удаленка привели к росту экономических преступлений в СЗФО / Д. Гонтарь // Российская газета – Экономика Северо-Запада. – 2023. – № 240 (9185).
3. Дворяк И. А., Потоцкий Н. К. О проблемах квалификации экономических преступлений / И. А. Дворяк, Н. К. Потоцкий // Право и управление. – 2023. – №3. – С. 240-244.
4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // Министерство Внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677> (дата обращения: 07.04.2025).
5. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2023 года // Министерство Внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/42989123/> (дата обращения: 07.04.2025).
6. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Министерство Внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/1744048596> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

5.5. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Тепляков Алексей Иванович

магистрант

*ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет,
РФ, г. Оренбург*

THE SUPERVISORY ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN ENSURING THE RIGHTS OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED TO FREEDOM AND PERSONAL INTEGRITY

Alexey Teplyakov

Master's student,

*Orenburg State University,
Russia, Orenburg*

Аннотация. В данной статье рассмотрено понятие прокурорского надзора при обеспечении прав на свободу и личную неприкосновенность. Уделено внимание статистическим данным о нарушениях прав и свобод подозреваемых и обвиняемых.

Abstract. This article examines the concept of prosecutorial supervision in ensuring the rights to freedom and personal integrity. Attention is paid to statistical data on violations of the rights and freedoms of suspects and accused.

Ключевые слова: прокурорский надзор; права граждан; неприкосновенность личности.

Keywords: prosecutorial supervision; citizens' rights; personal inviolability.

Надзор за соблюдением прав граждан – безусловный приоритет

в деятельности прокуратуры. Первоочередная задача органов прокуратуры состоит в укреплении законности и правопорядка на поднадзорной территории, которая требует ежедневных надзорных мероприятий в целях соблюдения прав подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность.

В научной литературе существует несколько подходов к определению надзорной деятельности прокуратуры. Так, Ю.Е. Винокуров под «прокурорским надзором понимает специфическую деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на ее территории» [1, с. 9]. По мнению А.А. Усачева «прокурорский надзор – это осуществляемая от имени государства деятельность Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров, направленная на обеспечение точного и единообразного исполнения всех законов РФ, на территории всей страны федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, путем принятия мер к выявлению, своевременному устранению любых нарушений законов и привлечению виновных к ответственности» [3, с. 200].

Таким образом, по нашему мнению, «прокурорский надзор» – это один из основных элементов уголовно-правовой системы, который обеспечивает контроль за законностью и правопорядком в деятельности государства и правоохранительных органов. Прокурорский надзор охватывает широкий спектр задач и функций, которые направлены на защиту прав граждан, соблюдение закона, а также предупреждение и устранение правонарушений. Так, надзорная деятельность прокуратуры в обеспечении прав подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность направлена на защиту гражданских прав и свобод, что особенно актуально в отношении лиц, которые находятся под подозрением в совершении преступления.

Прокурорский надзор за обеспечением прав подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность включает несколько ключевых элементов:

- контроль законности уголовного преследования. Прокурор

осуществляет надзор за следственными органами и процессуальной деятельностью, проверяя, чтобы все действия проводились в соответствии с законодательством. Это включает регулирование вопросов о законности возбуждения уголовных дел, обоснованности задержаний и арестов, а также соблюдения прав обвиняемых;

- защита прав человека. Прокурор обязан обеспечивать защиту прав и законных интересов как обвиняемых, подозреваемых так и потерпевших. Прокурор должен быть осведомлен о правах участников процессов и следить за их соблюдением на всех стадиях уголовного процесса;

- предотвращение правонарушений. Предотвращение правонарушений через осуществление мониторинга действий правоохранительных органов и профилактика преступности – это одна из задач прокурорского надзора. Прокурор может инициировать специальные проверки и расследования, а также разрабатывать рекомендации по улучшению работы различных органов;

- контроль за исполнением судебных решений. Органы прокуратуры следят за исполнением решений судов, включая обязательные решения по уголовным делам. Это подразумевает надзор за тем, чтобы приговоры и решения были исполнены в полном объеме и в установленный законом срок;

- участие в судебных разбирательствах. Прокуратура представляет государственные интересы в суде, выдвигая обвинения по уголовным делам и доказывая вину обвиняемых. Государственные обвинители могут выступать с ходатайствами о применении мер карательного характера, заслушивая мнения других участников процесса;

- информационное взаимодействие. Важным элементом прокурорского надзора является взаимодействие с другими правоохранительными и контролирующими органами, а также с гражданским обществом. Прокурорская деятельность должна быть прозрачно представлена обществу и обеспечивать обратную связь с ним.

Одним из основных конституционных прав является право на свободу и личную неприкосновенность. Любой гражданин (в том числе подозреваемый и обвиняемый) имеет право на свободу и личную неприкосновенность, за исключением отдельных мер пресечения, для которых требуется решение суда [5]. Так, российский ученый-правовед В.С. Шадрин утверждает, что «любой участвующий в уголовном процессе гражданин, независимо от его процессуального положения, является личностью – человеком, обладающим конституционным правом на признание и охрану его достоинства со стороны государства» [7, с. 8]. Поддерживая данное мнение, отметим, что в первых, минимальные условия, подходящие для жизни задержанных

и заключенных под стражу, являются средством государства, которое сохраняет права личности; во-вторых, не исключается возможность для беспрепятственного доступа человека ко всем средствам обеспечения применения правовых гарантий и возможности обращения в надзорные органы. Прокуроры обязаны незамедлительно, при получении сведений (жалоб) о нарушении прав задержанных и заключенных под стражу, должны проводить их проверку [4].

Изучая статистические данные о нарушениях прав на свободу и личную неприкосновенность, можно отметить, что за 2021 г. поступило 9432 заявления – это, с одной стороны, немногим больше, чем 8923 жалобы в 2020-м, но с другой – существенно меньше, чем 12 782 в 2019-м и 12 148 в 2018-м [6].

В статье журналиста Право.ru Киры Климачевой отмечено, что российские власти, согласно статистике, пренебрегали правом на свободу и личную неприкосновенность» [6]. Такое мнение вызывает недоверие к надзорным функциям, в связи с тем, что прокурор с 2007 г. потерял полномочия по руководству за следствием, в следствии передачи их руководителю следственного органа. По мнению Генерального прокурора А.Я. Чайки «лишение прокуроров ряда надзорных полномочий привело к очевидному дисбалансу правозащитного механизма» [2].

Прокурорский надзор за обеспечением прав подозреваемых на свободу и личную неприкосновенность является важным инструментом для защиты прав и законных интересов лиц, находящихся под подозрением. Эффективный прокурорский надзор способствует формированию справедливой и правовой системы, обеспечивая необходимые гарантии и механизмы защиты прав граждан в уголовном процессе. Это требует от прокуроров профессионализма, ответственности и четкого понимания своих обязанностей перед обществом и законом.

Список литературы:

1. Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. – М.: Изд-во МНЭПУ Юрайт, 2020. – 336 с.
2. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// genproc.gov. ru/smi/interview_and_appearances/appearances/85492/](http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/85492/) (дата обращения 19.03.2025)
3. Ендольцова А.В., Химичева О.В., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под ред. О.А. Галустьяна, А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. – 2018. – 485 с.

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 08.08.2011 № 237 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов ФСБ России, на гауптвахтах, в конвойных помещениях судов (военных судов)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-08082011-n-237/> (дата обращения: 19.03.2025).
5. Российская Федерация. Конституция–1993. Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 16 марта 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
6. Страсбургское правосудие: главные цифры за 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/238497/> (дата обращения: 19.03.2025).
7. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2000. – 232 с. С. 8

CONFERENCE PAPERS IN ENGLISH

SECTION 1.

POLITICAL SCIENCE

1.1. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

THE IMPORTANCE OF CREATING "ASAN SERVICE" CENTERS IN THE FORMATION OF E-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Muraz Suleymanov

*PhD Student of the Department of Political Science and Sociology,
Baku State University
Azerbaijan, Baku*

ЗНАЧЕНИЕ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ «СЛУЖБА АСАН» В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Сулейманов Мураз Иса

*докторант кафедры политологии и социологии,
Бакинский Государственный Университет
Азербайджан, г. Баку*

Abstract. E-government has a specific importance in the implementation of public administration in the third millennium, which is considered a new era of governance. The article notes that the use of information and communication technologies in governance has necessitated the formation

of e-government. One of the main goals of each state is to ensure the efficiency, efficiency and transparency of public services provided to citizens. Since the beginning of 2000, a number of steps have been taken in the Republic of Azerbaijan towards the implementation of e-government. One of the thoughtful and successful steps towards the implementation of e-government was the establishment of the “State Agency for Public Service and Social Innovations under the President of the Republic of Azerbaijan” by the Order of the Head of State of the Republic of Azerbaijan. “ASAN service” centers were established in the country in order to improve the services provided to citizens by state institutions, and the provision of services in these centers is based on the principles of transparency, courtesy, responsibility and efficiency. As a result of the establishment of the centers, citizens were provided with all services from one center on the “one-stop” principle. These centers, which are a national government project, provide daily services to citizens in person, by phone, mobile, and other forms. A number of cooperation processes have been carried out to use this project in international practice and implement it in other countries. Overall, the establishment of such centers has greatly facilitated the work of citizens and increased citizen satisfaction.

Аннотация. Электронное правительство имеет особое значение для осуществления государственного управления в третьем тысячелетии, которое считается новой эрой управления. В статье отмечается, что использование информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении обусловило необходимость формирования электронного правительства. Одной из главных целей каждого государства является обеспечение эффективности, результативности и прозрачности государственных услуг, предоставляемых гражданам. С начала 2000 года в Азербайджанской Республике был предпринят ряд шагов по внедрению электронного правительства. Одним из продуманных и успешных шагов по внедрению электронного правительства стало создание Указом Главы государства Азербайджанской Республики «Государственного агентства по оказанию услуг гражданам и социальным инновациям при Президенте Азербайджанской Республики». В целях улучшения услуг, предоставляемых гражданам государственными органами, в стране созданы центры «служба АСАН», а предоставление услуг в этих центрах основывается на принципах прозрачности, вежливости, ответственности и эффективности. В результате создания центров граждане получили возможность пользоваться всеми услугами по принципу «одного окна». Эти центры, являющиеся национальным правительственным проектом, оказывают гражданам ежедневные услуги лично, по телефону, мобильной связи и другими спо-

собами. Проведен ряд кооперационных процессов по использованию данного проекта в международной практике и его внедрению в других странах. В целом создание подобных центров значительно упростило работу граждан и повысило их удовлетворенность.

Keywords: governance; e-government; ASAN service; e-service; citizen satisfaction.

Ключевые слова: управление; электронное правительство; служба ASAN; электронная услуга; удовлетворенность граждан.

In the digitalized world, the use of ICT plays an important role in the implementation of public administration. E-government is of great importance in the effective organization and management of the activities of every democratic state. Thus, in modern times, the increasing demands of citizens from the government have necessitated a transition to a new stage in the quality and form of public services provided by the government. E-government reflects the improvement of service quality, the release of workload, the elimination of distance dependence, information accessibility and high control over the transparent activities of institutions [9, p. 230].

The establishment of e-government in the Republic of Azerbaijan and the provision of new quality services to citizens began after the restoration of state independence, more precisely, in the early 2000s. The application of e-government in Azerbaijan is based on international experience and successful e-government projects are being implemented. On the initiative of the head of state Ilham Aliyev, the national model “ASAN service” was created and services were provided to citizens from a single center [10, p. 136].

Based on the Decree No. 685 of the President of the Republic of Azerbaijan dated July 13, 2012, the “State Agency for Public Service and Social Innovations under the President of the Republic of Azerbaijan” and “ASAN service” centers under its jurisdiction were established [3]. These centers provide services to government agencies in a unified and coordinated manner. The main objectives of establishing the centers, which operate on the principles of transparency, accountability, and efficiency were as follows:

- ensuring transparency and combating corruption;
- increasing trust in government institutions;
- widespread use of e-services;
- reducing additional time loss and expenses for citizens;
- increasing professionalism;
- compliance with ethical conduct rules in the provision of services;
- increasing efficiency [12].

Currently, the total number of these centers in the country is 28, 7 of which operate in Baku, that is, in the center, and the others in the regions [12]. “ASAN service” centers provide services to citizens indirectly, directly, by telephone and on mobile. A unique type of activity of the centers is self-service. Thus, there are computers open to the Internet for citizens in the centers, and they can use all e-services through these computers.

The centers operate the “ASAN Volunteer School”, designed especially for students and young people. Here, it is possible to get acquainted with the work environment in practice, work as a volunteer and obtain future job opportunities. The centers also have call centers so that citizens can quickly apply for the services provided without having to go to the service centers.

In total, over eighty million applications were registered during the twelve years of operation of the centers, with the most frequently requested service areas being the issuance of identity cards and certificates [12]. Applications for notary activities and the issuance of universal passports also accounted for the majority.

The activities of “ASAN service” centers have been evaluated at the world level. Also, cooperation is being carried out in other countries to share the experiences of this project. Cooperation with the United Nations has been carried out in order to promote this project in other countries. Thus, according to the “Contribution Agreement” concluded between the UN and the government of the Republic of Azerbaijan, it is envisaged to apply innovations and develop potential in the relevant field in order to provide public services within the framework of the “ASAN service” model in the UN member states.

The government has held numerous meetings and negotiations on the implementation of the national project in other countries and the implementation of cooperation. We can cite Afghanistan, Pakistan, Uzbekistan and Turkey as examples of these countries. It should be noted that the areas of cooperation for the implementation of the processes under the Memorandum of Understanding signed with Afghanistan in 2016 were discussed. Possible cooperation opportunities were discussed with the relevant government agencies of Turkey and Pakistan.

The model, which has been successfully implemented in Azerbaijan, has been awarded a number of local and international awards during its existence. Among them, the official website of “ASAN service” “www.asan.gov.az” was awarded first place twice in the “NETTY-2013” and “NETTY-2018” awards. In 2015, “ASAN service” was awarded the UN award at an international forum held in Colombia. The State Agency was also awarded an international certificate according to the ISO 9001:2008 standard [12]. Also, “ASAN service” was evaluated and won

in an international competition by the British Occupational Safety and Health Council.

As can be seen, in a short period of time, “ASAN service”, the national brand of the Republic of Azerbaijan, has gained international interest due to the transparency and efficiency of its activities. Providing services to citizens from one center based on the “one-stop shop” principle has not only greatly simplified their work, but also made the activities of state institutions more transparent. Thus, civil servant-citizen relations have moved to a qualitatively new level. The successful implementation of this project has increased trust in state institutions in the country and improved the quality of service.

Consequently, the role of “ASAN service” centers in the formation of e-government in the Republic of Azerbaijan the importance of creationIt has a specific character and plays a special role in the provision of public services. In general, the activities and future prospects of “ASAN service” centers in the implementation of e-government can be assessed as follows:

- By providing public services from a single center, additional costs and time for citizens have been saved;
- The transparent operation of the system has increased citizen trust in the government and improved the quality of service;
- The centers have been provided with activities in several areas to make public services accessible to everyone;
- The digitization of available services and the organization of a self-service model in centers have supported the development of e-government;
- The citizen-oriented activities of the centers, based on regular surveys and analysis of the results obtained, and taking into account the demands of citizens have ensured the effectiveness of the organization's activities.

References:

1. Decree of the President of the Republic of Azerbaijan “On some measures in the field of organizing the provision of electronic services by state bodies”, Baku, May 23, 2011.(In Azerbaijani)
2. Order of the Cabinet of Ministers of the Republic of Azerbaijan “On approval of the Action Program for the formation of “Electronic Government” in the Republic of Azerbaijan in 2010-2011”, Baku, May 14, 2010.(In Azerbaijani)
3. “On the establishment of the State Agency for Public Service and Social Innovations under the President of the Republic of Azerbaijan and measures to improve the services provided to citizens by state bodies” Decree of the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, July 13, 2012. (In Azerbaijani)

4. "On approval of the regulations of the departments of the Office of the State Agency for Public Service and Social Innovations under the President of the Republic of Azerbaijan and the subordinate "ASAN service" centers" DECISION, Baku, October 4, 2013. (In Azerbaijani)
5. Abasova, S. Management of technologies and innovations. Baku, 2008, 288 p. (In Azerbaijani)
6. M. Alshehri, S. Drew. Implementation of e-Government: Advantages and Challenges. International Journal of Electronic Business, 2011, 9(3):255-270, 79-86. (In English)
7. Ibadov, N., Mammadli, N. Electronic government: theoretical foundations and directions of an action // Political Science and Security Studies Journal, 2023, 4(2), p.43-48. (In English)
8. Suleymanov, M.I. The problem of forming public trust in electronic government and informatization of society // NASCO XXVI, 2023. pp. 308-311. (In Azerbaijani)
9. Suleymanov, M.I. The emergence of e-government in the Republic of Azerbaijan and the formation of a legislative framework for electronic governance // Journal of History and Its Problems, 2024, 3(106), pp. 230-235. (In Azerbaijani)
10. Suleymanov, M. E-Government Models: a Comparative Analysis, "META-FISIKA" journal 2025, VOLUME 8, ISSUE 1, SERIAL 29, 127-140.<https://doi.org/10.33864/2617-751X.2025.v8.i1>. etc. 127-140. (In Azerbaijani)
11. Official portal of the State Agency for Public Service and Social Innovations under the President of the Republic of Azerbaijan. URL:<https://vxside.gov.az/az> (In Azerbaijani)
12. ASAN service portal. URL: <https://asan.gov.az/>(In Azerbaijani)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам ХСІХ международной
научно-практической конференции*

№ 4 (99)
Апрель 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 10.04.25. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru